

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ЖИЗНЬ
ПОСЛЕ ЖИЗНИ

ДЕЛО ВЕДЕТ КАМЕНСКАЯ

Каменская

Александра Маринина

Жизнь после Жизни

«Автор»

2010

Маринина А.

Жизнь после Жизни / А. Маринина — «Автор»,
2010 — (Каменская)

ISBN 978-5-699-43678-1

Разбитое зеркальце на груди, сережка, вырванная из уха, – своеобразная «визитная карточка» убийцы. Кто убил этих двух почтенных женщин – маньяк, одержимый мрачноватыми легендами рода Вяземских, или его изощренный имитатор? Все версии неизменно заходят в тупик. Бизнесмен, чьи начинания в связи с этими преступлениями находятся под угрозой, решил прибегнуть к помощи частного детектива. Так Анастасия Каменская оказалась в провинциальном Томилине. Да-да, полковник милиции в отставке Каменская теперь работает в частном детективном агентстве, и это расследование – ее дебют на данном поприще. Теперь за ее спиной нет могущественного и влиятельного ведомства, и это как-то непривычно. Но от Насти по-прежнему требуется ее умение разговаривать и слушать, систематизировать факты, интуитивно – а это есть вершина ее «сыскного таланта» – выбирать верное направление поисков. Словом, открывать все двери, которые встречаются на ее пути. Ведь за одной из них находится истина. Она-то не подвластна никаким переменам.

ISBN 978-5-699-43678-1

© Маринина А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александра Маринина

Жизнь после Жизни

Пролог

5 марта 2009 года

Звонок мобильного телефона дребезжал надсадно и требовательно. Он умолкал и тут же через несколько секунд снова начинал свою надоедливую песню. Федулов нагнулся над лежащей на земле сумкой убитой женщины и посмотрел на эксперта. Тот молча кивнул, дескать, можно. Федулов щелкнул замком и вытащил телефон, нажал кнопку, обозначенную зеленой трубочкой, поднес к уху, но ничего не говорил.

– Галина Ильинична! – зазвенел в трубке заполошный встревоженный девичий голос. – Галина Ильинична, вы где? С вами все в порядке? Почему вы трубку не берете?

Федулов откашлялся и глухо произнес:

– Алло. Говорите.

– Ой, я не туда попала? – испуганно проговорили в трубке. – Извините, пожалуйста.

И точно так же испуганно и коротко зазвучали гудки отбоя. Ну что ж, теперь они знают хотя бы имя и отчество потерпевшей, это уже что-то. Теперь бы фамилию узнать и адрес. Федулов опустил руку с трубкой и тут же снова поднял ее: телефон опять зазвонил.

– Вы звоните Галине Ильиничне? – спросил он. – Кто вы? Представьтесь.

– Я Рита. А что случилось? Где Галина Ильинична?

– Рита, вы кем приходитеесь Галине Ильиничне? Родственницей?

– Я... я квартирантка. А где Галина Ильинична?

– Рита, с Галиной Ильиничной несчастье. Вы сейчас где?

– Какое несчастье? Что случилось? Ей плохо? Она в больнице?

– Она умерла. Вы где, Рита? Дома? Скажите мне адрес.

Трубка молчала, словно телефон выключили.

– Рита! – снова позвал Федулов. – Рита, вы меня слышите? Мне нужно срочно с вами поговорить. Скажите адрес.

– Как это... – раздалось в трубке глухое и неуверенное. – Что значит: умерла? Вы кто? Доктор?

– Старший оперуполномоченный майор Федулов Дмитрий Вадимович, – сухо отрекомендовался Федулов. – Галина Ильинична убита. Оперативная группа работает на месте происшествия. Так вы скажете, как вас найти?

– Я... я дома... – голос Риты, казалось, сел окончательно, она уже почти шептала. – У Галины Ильиничны.

– Говорите адрес, я сейчас приеду.

– Нагорная, дом двенадцать, квартира сорок восемь. Это между Федеративной и Профсоюзной, знаете?

– Знаю, – коротко ответил Федулов. Это совсем рядом, через три-четыре дома. Получается, дамочку убили при подходе к месту жительства. – Я буду у вас через несколько минут. Илюха, – обратился он к другому оперативнику, полному, с отечным лицом, – я в адрес, кажется, мы установили личность потерпевшей.

– Мне с тобой идти? – спросил Илья Вторушин.

– Нет, оставайся здесь, сейчас начальство нагрянет, труп все-таки. Если что – я на связи.

Федулов быстрым шагом миновал неосвещенный проходной двор, в котором обнаружили труп, вышел на сверкающую огнями вывесок Нагорную улицу и направился к дому 12. Когда-то, когда Дима Федулов еще был сопливым пацаном, никакой Нагорной улицы не было, а потом здесь построили несколько шикарных по меркам 1970-х годов домов для городской «верхушки» – работников Томилинского городского совета народных депутатов и горкома партии, – и, конечно же, замостили целую улицу, чтобы им удобно было подходить или даже подъезжать на служебных и личных автомобилях, и открыли здесь несколько магазинов, которые снабжались товарами лучше всех других магазинов в Томилине. Жить на Нагорной стало престижно, и в послеперестроечные времена улица сохранила свой статус, несмотря на то что по сравнению с современной застройкой бывшие элитные дома выглядели простоватыми и даже захудалыми. Теперь на Нагорной располагались самые дорогие магазины, два автосалона и лучший в городе ресторан, который никогда не пустовал: параллельно шла знаменитая Парковая улица, обсаженная липами, одним концом упирающаяся в реку Томинку, другим – в недавно отреставрированную старинную усадьбу, а сразу за Парковой, на живописном берегу реки, начинался коттеджный поселок, построенный и обжитый людьми далеко не бедными. Этим небедным людям очень удобно было делать покупки в магазинах на Нагорной и ужинать в ресторане.

Дом под номером 12 оказался пятиподъездной девятиэтажной «коробкой», перед которой между припаркованными машинами и гаражами-«ракушками» сиротливо приткнулась детская площадка. Федулов опытным взглядом окинул фасад, посчитал количество окон, проходящихся на один подъезд, что-то умножил и поделил в уме и уверенно двинулся ко второй двери. Он не ошибся, сорок восьмая квартира действительно находилась во втором подъезде.

Когда ему открыли дверь, он увидел серьезную, с озабоченным лицом женщину лет сорока и рядом с ней молоденькую девушку, бледную, перепуганную и показавшуюся Дмитрию необыкновенно страшенькой. Коричневые волосы расчесаны на косой пробор и заплетены в две косички, по толщине довольно жалкие, безликая, застиранного серого цвета водолазка, вытянутая на локтях, несвежего вида спортивные брюки. В общем, выглядела девушка Рита небогато, да вдобавок еще и болезненно: глаза красные, на лбу испарина.

Федулов еще раз представился, прошел в комнату, попутно успев отметить, что квартира у покойной Галины Ильиничны была хоть куда – трехкомнатная, просторная, хотя и давно не отремонтированная. Да, неплохо жили при советской власти партийные и советские работники. Он снова вспомнил свою тесную «двушку», в которой долгие годы ютился с родителями, женой, двумя детьми, младшей сестрой, ее мужем и сыном. Спали без преувеличения друг у друга на головах, никакая другая мебель, кроме спальных мест, в квартире не умещалась, ели на кухне в три смены, в ванную, совмещенную с туалетом, всегда стояла очередь. Какое счастье, что все это уже позади и жилищный вопрос наконец решен! Но Дима Федулов до сих пор не забыл жизнь в той двухкомнатной квартире, она снилась ему в ночных кошмарах, и он просыпался в холодном поту и успокаивался только тогда, когда проходила сонная одурь и он мог различить вокруг себя совсем другие стены, другие окна и другую мебель.

Девушка, представившаяся Маргаритой Нечаенко, работала приемщицей в химчистке и жила у Галины Ильиничны Корягиной в качестве квартирантки, но не за деньги, а за помощь по хозяйству. Ходила в магазины, стирала, гладила, убирала, в общем, была чем-то вроде домработницы с проживанием. Своего жилья в Томилине она не имела, приехала из поселка Петунино Костровского района. Костровск – большой город в 60 километрах от Томила, ну, конечно, не такой большой, как областной центр, но все-таки... Там и институты есть, в которых можно учиться, и частный бизнес процветает, и фирмы, в которых можно работать. Но на работу в костровские фирмы Риту почему-то никто не стремился взять, и пришлось ей удовольствоваться более скромным, хотя и немаленьким, городом Томилином, построенным в середине 1950-х годов вокруг крупного химкомбината.

Галина Ильинична отправилась на творческий вечер известной в прошлом актрисы, приехавшей из Москвы. Рита хотела было проводить свою хозяйку до концертного зала, расположенного ныне в бывшем Доме политпросвещения, но Галина Ильинична категорически отказалась, сказав, что она не беспомощная и не дряхлая. Рита все равно волновалась за нее и собиралась подойти на Майскую площадь к концертному залу попозже и хотя бы встретить Галину Ильиничну, но... В этом месте повествования несчастная некрасивая девица залилась густой краской и отвела глаза, а сидящая рядом с ней женщина, которая оказалась соседкой, вмешалась и пояснила, что около восьми вечера Риточка прибежала к ней и спросила, какое лекарство ей выпить: у нее начался жуткий понос. То ли отравилась чем-то, то ли кишечник засбоил. Сама соседка, конечно, не доктор, но жизненный опыт кое-какой имеет, поэтому дала Рите несколько дельных советов, а спустя полчаса зашла к Корягиной проводить девушку. Рита все время бегала в туалет и возвращалась вся в испарине. Она очень злилась на себя и говорила, что заболела так некстати, что хотела бы все-таки собраться с силами и пойти встретить Галину Ильиничну, потому что сейчас, в первых числах марта, началась оттепель, тротуары покрылись льдом и тонким слоем воды, очень скользко, и как бы Галина Ильинична не упала. Однако многоопытная соседка посоветовала ей из дому не выходить и находиться поближе к туалету. Они вместе попили чаю, посмотрели телевизор, а начиная с десяти вечера стали ждать Корягину, которая, по идее, должна была вот-вот вернуться. В половине одиннадцатого Рита забеспокоилась не на шутку и начала звонить ей на мобильник. Никто не отвечал. Может быть, концерт еще не закончился? Кто их знает, эти творческие вечера, на сколько они рассчитаны... Рита в справочной узнала телефон администратора концертного зала, позвонила, и выяснилось, что творческий вечер знаменитой актрисы закончился в девять часов десять минут. От Майской площади до Нагорной улицы пешком минут пятнадцать, это если идти даже неспешным шагом по хорошо освещенной, широкой Профсоюзной улице, а если срезать и пойти дворами между Профсоюзной и Федеративной, то выходишь прямо в торец дома Галины Ильиничны, и занимает такая дорога от силы минут восемь. Иными словами, Корягина уже час как должна была вернуться. Рита разволновалась окончательно, попросила соседку не уходить, потому что ей страшно, и принялась названивать Галине Ильиничне каждые две-три минуты. Так и звонила до тех пор, пока ей не ответил майор Федулов.

Дмитрий провел с Ритой Нечаенко еще полчаса, все выспрашивал, не было ли врагов у ее хозяйки, не угрожал ли ей кто-нибудь, не возникали ли у нее в последнее время какие-нибудь конфликты... Много чего узнал Дима Федулов об убитой женщине, только на личность преступника это не проливало ни капли света. Преступник-то, скорее всего, необычный, и мотив у него эдакий с заворотом, не лежащий на поверхности. Почему Дмитрий так решил? Да потому, что на груди у задушенной теплым шарфом женщины лежало разбитое зеркало, а рядом с трупом валялась на земле вырванная из уха серьга.

Неужели в их тихом восьмидесятитысячном городе завелся маньяк? Ох, не хотелось бы!

* * *

22 сентября 2009 года

Капитан милиции Илья Вторушин на работу почти никогда не опаздывал, наоборот, любил прийти пораньше, пока в здании городского отдела внутренних дел никого, кроме дежурных, нет, посмотреть свои записи, сделать в тишине бумажную работу, составить план на предстоящий день. Планировать Илья любил, он записывал все подробно, нумеровал и по мере выполнения с удовольствием обводил красным кружочком то, что уже сделано. Если к концу рабочего дня красных кружочков оказывалось меньше, чем необведенных пунктов, настроение у Ильи портилось, он был недоволен собой и злился. В удачные же моменты жизни, когда

удавалось обвести красной шариковой ручкой все номера, он радовался, как ребенок, и считал, что день прожит не впустую.

Сегодня капитан Вторушин пришел на работу, как ему казалось, рано, однако в кабинете уже сидел старший опер Дима Федулов, с измученным лицом и совершенно больными глазами.

– Аиду убили, – сквозь зубы произнес Федулов вместо приветствия.

– Аиду? – удивленно приподнял брови Вторушин. – Какую Аиду?

– Ах да, ты не знаешь, ты ее не застал, – махнул рукой Дмитрий. – Молодой еще. Она десять лет назад ушла в отставку, я с ней работал. Какая была тетка... Аида Борисовна Павлова, следователь прокуратуры, старший советник юстиции.

Никакой Павловой Илья Вторушин не знал, ему было всего 32 года, и десять лет назад, когда какая-то там Павлова уходила в отставку, он только-только окончил школу милиции и начинал работать в уголовном розыске Костровска, своего родного города, где до сих пор живет его бабушка. Родители Ильи давным-давно переехали из Костровска в Томилин, они были инженерами-химиками и работали на комбинате, и вырос Вторушин здесь, а вот служебную карьеру начинал там, где родился, и только семь лет назад перевелся в Томилин.

Он видел, что Дима Федулов расстроен донельзя, и не знал, как себя вести, – то ли скорбно молчать в знак солидарности, то ли не притворяться и разговаривать, как обычно.

– Илюха, у нас проблемы, – вдруг сказал Федулов совсем не то, что ожидал услышать Илья.

– У нас всегда проблемы, – беззаботно откликнулся Вторушин. – Какие на этот раз?

– У Аиды на груди разбитое зеркало. И сережка из уха вырвана, рядом валялась. Помнишь труп Корягиной?

Еще бы не помнить! Вторушин почувствовал, как сердце в груди пропустило удар. Вот, значит, в чем дело...

– Теперь точно можно утверждать, что в городе маньяк, – продолжал между тем Федулов мрачным голосом. – Нам теперь головы поотрывают.

* * *

Газета «Томилинский курьер» от 17 октября 2009 года

«СТРАСТИ ПО УСАДЬБЕ»

Уже три недели жители нашего города не могут спать спокойно: в Томилине поселился ужас, неизвестный маньяк убивает немолодых женщин, посещающих клуб «Золотой век». Случайно ли это? И что стоит за убийствами двух невинных жертв, связанных стоящей на окраине города старинной усадьбой? Обеих погибших женщин объединяло то, что они были членами клуба «Золотой век», открытого два года назад московским олигархом Андреем Бегорским в отреставрированной на его же средства усадьбе. Клуб этот почти сразу завоевал популярность среди томилинских пенсионеров, которые говорят о нем не иначе как с любовью и теплотой, однако выяснилось, что не все там так радостно и гладко, как кажется на первый взгляд.

Мы провели журналистское расследование, открывшее нам немало страшных тайн и проливающее свет на загадки, оказавшиеся не по зубам нашей доблестной милиции.

Вернемся на два с половиной столетия назад и обратимся к истории. Всем мало-мальски сведущим в истории известен, конечно, князь Александр

Алексеевич Вяземский, один из ближайших помощников и последователей Екатерины Второй. А вот его дальний родственник, князь Андрей Иванович Вяземский, известен куда меньше. При Екатерине он был действительным тайным советником, нижегородским и пензенским генерал-губернатором, а при императоре Павле стал сенатором. Но наше внимание должно быть приковано не к его политическим заслугам, а к истории его второго брака.

Второй женой князя Андрея в 1786 году стала ирландка Евгения О'Рейли. Князь познакомился с ней во время путешествия за границу, отбил у мужа и привез в Россию. Бракоразводный процесс Евгении был долгим и мучительным, но в конце концов влюбленные соединились и сочетались законным браком. Они любили друг друга и были счастливы, но родственники Андрея Ивановича этот брак не одобрили и его молодую жену не приняли. Супруги Вяземские стали подыскивать уединенный уголок, где они могли бы спрятаться от пересудов и гнева своего окружения. Вот тогда-то князь Андрей и купил усадьбу Никольское-Томилино, которая сегодня стоит на окраине нашего города.

Но Вяземские сюда так и не переехали. Князь привез новоиспеченную супругу в имение, но уже через несколько часов Евгения сказала, что здесь ей не по себе. Она даже не захотела остаться в усадьбе переночевать, сказала, что ей страшно, что в воздухе витает нечто неопределенное, что ее пугает, и она ни за что не хотела бы здесь жить. Никакие уговоры князя не помогали, супруги вернулись домой, а через месяц Андрей Иванович нашел новое место – Остафьево, в семи верстах от города Подольска. Вяземские стали хозяевами Остафьева более чем на 100 лет, а усадьба Никольское-Томилино была продана графу Михаилу Федоровичу Румянцеву.

В середине 50-х годов прошлого века территория имения стала частью вновь построенного города Томилино, и никто не знает, почему так сложилось, что красивую усадьбу на окраине города стали называть «усадьбой Вяземского», который был ее хозяином всего чуть дольше месяца и не прожил в ней ни одного дня. Но факт остается фактом: усадьба Румянцевых при советской власти именовалась «усадьбой Вяземских» и носит это название до сих пор. Однако именно с родом Румянцевых, владевших Никольским-Томилином вплоть до революции 1917 года, и связаны страшные старинные тайны, которые могут пролить свет на тайны сегодняшние.

Итак, у графа Михаила Федоровича была дочь Ольга, красавица, образованная и умная девица, не знавшая отбоя от женихов. Сердце ее было отдано Алексею Лобанову, за которого Ольга Михайловна и вышла замуж в 1808 году. Брак был на редкость счастливым, полным любви и взаимного доверия. К тому моменту, когда молодой граф Лобанов уходил на войну с Наполеоном, Ольга родила Алексею двоих детей. Перед расставанием граф Алексей подарил любимой жене серьги, дорогие и очень красивые, со словами: «Эта пара серег олицетворяет нас с тобой. В них заключена наша с тобой жизнь. Ежели одну потеряешь или сломаешь, вторую не выбрасывай, храни ее, как хранила бы свою и мою жизнь, как хранила бы нашу любовь».

Прошло несколько месяцев, Ольга Михайловна носила подаренные мужем серьги каждый день, даже на ночь не всегда снимала. И вдруг оказалось, что одна сережка потеряна. И на другой день пришло известие о гибели графа Алексея Лобанова. С той поры Ольга Румянцева-Лобанова носила одну серьгу, вдевала ее в левое ухо, ближе к сердцу. Она долго не снимала траур, горюя по

любимому мужу и отцу своих детей, и никакие уговоры матери не носить одну серьгу, потому что это против правил, ее не убеждали.

Через полтора года после гибели графа Алексея за Ольгой Михайловной начал настойчиво ухаживать сын владельца расположенного по соседству имения, Петр Большаков. Петр был известен на всю округу своим буйным нравом, невоздержанностью в застолье, склонностью к дебошам и к веселью в обществе цыган или заезжих актрис. Репутация у него была ужасная, и молодая красавица-вдова сторонилась соседа и старалась его избегать. Однако Большаков-младший не отступал, преследовал Ольгу, не давал ей прохода, постоянно наезжал с визитами и всячески демонстрировал свое расположение. В конце концов дело дошло до объяснения, Большаков признался в своих чувствах и стал требовать ответа. Был он в тот день изрядно нетрезв и вел себя агрессивно. Ольга старалась сгладить неловкость и деликатно объяснить Петру, что не разделяет его любви и собирается хранить верность погибшему мужу до самой смерти. Она даже рассказала ему, в надежде смягчить кавалера, о подаренных мужем серьгах и о том, как одна из них потерялась как раз накануне получения известия о его смерти. Большаков же от этого рассказа еще более разгорячился, слова Ольги разозлили его, пробудили бешеную ревность, да и вино, выпитое без меры, сделало свое коварное дело. Он протянул руку и в ярости вырвал серьгу из уха молодой женщины, а затем схватил нож и нанес несколько ударов по ее лицу.

Спустя два дня Петр Большаков был арестован и препровожден в тюрьму. Врач сделал для Ольги все, что смог, однако с того момента все ее прекрасное лицо оказалось изуродованным безобразными шрамами. Когда Ольга посмотрела на себя в зеркало, она пришла в ужас и швырнула зеркало на пол. Осколки разлетелись по всей опочивальне. Ольга потребовала, чтобы во всем доме больше не осталось ни одного зеркала. Она не хотела видеть свое некогда красивое, а отныне обезображенное лицо. Требование молодой хозяйки было исполнено, зеркала сняли и сложили в каморке.

Через некоторое время пользовавшийся Румянцевых доктор стал замечать в Ольге начальные признаки надвигающегося безумия. Она то становилась задумчивой, все молчала, ни с кем не разговаривала, а то вдруг начинала хохотать, веселиться, затевать шумные игры с детьми, потом снова впадала в печаль и неподвижность. Однажды в холодный зимний вечер Ольга Михайловна в приступе безумия начала бить стекла в окнах и кричать, что они, как зеркала, отражают ее уродство, которое она не хочет видеть. На крик сбежали домочадцы, попытались утихомирить Ольгу, но она принялась рвать на себе волосы и одежду и приговаривать, что все против нее сговорились, даже самовар отражает ее лицо, и все на нее смотрят и видят ее ужасные шрамы. Несчастную удалось связать и через какое-то время успокоить, но рассудок к ней так и не вернулся.

Душевные болезни с той поры стали преследовать потомков Румянцевых, проявляясь через одно-два поколения. Но самым странным было то, что Ольга Михайловна Румянцева-Лобанова оказалась последней действительно красивой женщиной в этом роду. Уже ее дочь, а также все последующие девочки в роду Румянцевых-Лобановых рождались отчаянно некрасивыми. Благодаря немалому состоянию все они рано или поздно выходили замуж и рожали детей, однако ни одна из них не знала истинно любящего мужчину. Всех их брали замуж по расчету.

Но вот в 1898 году, спустя более восьмидесяти лет после трагедии, постигшей графиню Ольгу, оставшаяся от нее сережка была извлечена из шкатулки, в которой бережно хранилась все эти годы, и вдетая в ушко Анны Румянцевой-Лобановой. Анна, как и многие ее предки по женской линии, привлекательной внешностью не отличалась, но любви хотела подлинной, на деньгах и расчете не замешенной. В память о несчастной Ольге Михайловне, которую муж любил страстно и преданно, Анна отнесла сережку к ювелиру, заказала ей пару и стала носить. Женихи у нее к тому времени были, однако все они гнались за состоянием, о чем Анна, конечно же, знала.

Вскоре сыскался молодой человек, в которого Анна влюбилась без памяти и, что самое главное, в искренность чувств которого она всей душой поверила. Родители были против: молодой человек был отнюдь не родовит, из мещан, и не сказать чтоб богат, даже напротив того. Анна твердо стояла на своем и говорила, что выйдет за него во что бы то ни стало, даже если ее лишат и наследства, и приданого, что для их любви нет преград и ничто им не помешает стать счастливыми. Слова ее оказались пророческими, отец, узнав, что Анна и ее жених тайно обвенчались, лишил непокорную дочь приданого и наследства и оставил без копейки. В тот же миг молодой супруг из нежного и любящего превратился в злобного ожесточенного мужлана. Анна пыталась уверить его в том, что их любовь выше меркантильных интересов и финансовых обстоятельств, что они станут работать и будут жить скромно, но счастливо. Муж в ответ схватил ее за руку и потащил к зеркалу. «Какая любовь? – кричал он с пеной на губах. – О какой любви ты говоришь? Ты посмотри на себя! Неужели ты думаешь, что такую, как ты, можно всем сердцем полюбить? Да тобой только детей пугать! Ты только в страшном сне можешь присниться! Меня воротит от одного твоего вида! Только ради денег твоего папаши я готов был тебя терпеть! А без этих денег ты мне не нужна. Если ты хочешь, чтобы я остался с тобой, иди к отцу, падай в ноги и проси, чтобы он изменил свое решение». При этих словах Анна схватила хрустальную вазу и изо всех сил запустила в зеркало, в котором отражался ее муж, побелевший от ярости и злобы, и она сама, бледная, с длинным лошадиным лицом, слишком толстыми губами и маленькими блеклыми глазками. В эту секунду она поняла, что самыми красивыми в этом отражении являются серьги в ее ушах. Зеркало от удара разбилось, осколки посыпались на пол. Анна подняла руки, с силой вырвала серьги из мочек ушей и швырнула украшения в угол.

С того дня она слегла, а спустя месяц утопилась в реке, на берегу которой стояла усадьба.

Родная же сестра Анны благополучно вышла замуж, принесла мужу огромное приданое, и родила ему двух дочерей и трех сыновей, один из которых оказался впоследствии помешанным... Родовое проклятие Румянцевых-Лобановых продолжало жить.

В 1917 году обитатели имения Никольское-Томилино эмигрировали в Европу. Но все ли они уехали? Современники утверждали, что не все. И сегодня есть серьезные основания полагать, что потомки обремененного проклятием рода до сих пор живут на нашей земле, которая в последние полвека именуется городом Томилином. Живут, порождая через два-три поколения душевнобольных.

А теперь вернемся к загадочным убийствам, совершенным в нашем городе. Обе жертвы регулярно посещали усадьбу, которую потомки Румянцевых-Лобановых, вероятно, считают своей собственностью, незаконно отнятой у них большевиками. У обеих жертв вырвана серьга из уха. И в обоих случаях на трупах обнаружено разбитое зеркало.

Это ни о чем вам не говорит, уважаемый читатель?

Наталья Малец»

Глава 1

В служебном кабинете Родислава Евгеньевича Романова было сильно накурено, и Бегорский, едва открыв дверь, невольно поморщился: сам он никогда не курил и густой дым переносил с трудом.

– Родька, ну когда ты перестанешь своими руками себя гробить? У тебя тут дышать нечем, – недовольно произнес он.

– В наши с тобой годы уже поздно меняться, – отшутился Родислав Евгеньевич, импозантный и барственно-валяжный мужчина.

Им обоим было по шестьдесят шесть, и они знали друг друга и дружили с раннего детства, однако были совсем разными, и фразу про «наши с тобой годы» Бегорский немедленно воспринял в штыки. Если Романов полагал, что самое главное в жизни им уже сделано и теперь настало время почивать на лаврах и пожинать плоды праведных трудов, то Андрей Сергеевич Бегорский считал себя достаточно молодым для того, чтобы совершенно не переносить застоя и рваться вперед, к новому и еще не опробованному.

Бегорский был владельцем крупного холдинга, Романов – его другом и заместителем, главная задача которого состояла в том, чтобы «решать вопросы». Так было постановлено с самого начала, когда Андрей Сергеевич много лет назад позвал к себе на работу успешного офицера милиции из Министерства внутренних дел: сам Бегорский в «решении вопросов» был не силен, договариваться с людьми не умел в силу прямоты и отсутствия гибкости, а также не обладал широким кругом нужных знакомств. Все эти качества как раз и были сильной стороной Родислава Романова, который сразу согласился стать его заместителем еще в те времена, когда Бегорский владел только одним заводом, выпускавшим технологическое оборудование для пищевой промышленности. Теперь же оба были сказочно богатыми людьми, но если Родислав Евгеньевич тратил деньги на собственный комфорт и удовольствия, то Андрей Сергеевич вкладывал их в новые проекты, в том числе и не приносящие никакой прибыли, а то и откровенно благотворительные. Выбирая направления инвестирования, он руководствовался не соображениями доходности, а исключительно категориями «мне это интересно» или «мне это скучно».

Клуб «Золотой век» Бегорский придумал несколько лет назад. Придумал, нашел место, где можно опробовать новую идею, купил и отреставрировал старинную усадьбу в городе Томилине и начал эксперимент. И вот теперь этот эксперимент, пошедший так удачно с самых первых месяцев, оказался под угрозой.

– Родька, найди мне толкового частного сыщика.

Родислав Евгеньевич распахнул настежь широкое окно, впуская в кабинет мощную струю ледяного январского воздуха, и демонстративно закурил.

– Что ты еще надумал? – насмешливо спросил он. – Зачем тебе понадобился частный детектив?

– Ну, я неточно выразился, – поправился Бегорский. – Не обязательно частный детектив. У тебя же осталось много друзей в милиции, найди толкового сыщика, которому можно поручить частное расследование. Оплата, как ты понимаешь, будет очень достойной, я никаких денег не пожалею. Я хочу, чтобы с томилинскими делами наконец разобрались. Мой клуб закачался, среди его членов разброд и шатания, постоянно слышатся разговоры о томилинском маньяке, который убивает пенсионеров, посещающих усадьбу. Семь членов клуба перестали приходить из-за этого, они поверили и испугались. Да что члены клуба! У меня там уже три человека из персонала уволились!

– Как – три? – удивился Романов. – Ты же говорил, что двое.

– Сегодня утром позвонила Вера и сказала, что бухгалтер написала заявление об уходе. Я не могу больше сидеть сложа руки, Родька, я должен что-то предпринять.

– Но ведь в Томилине есть своя милиция, они там ищут убийцу, – попытался возразить Родислав Евгеньевич. – Ищут и найдут рано или поздно, я в этом уверен.

– Так в том-то и дело, что рано или поздно. Для меня их «поздно» – это уже катастрофа, у меня клуб вот-вот развалится, все члены разбегутся вместе с персоналом. Для меня поздно уже сейчас, я жалею, что раньше ничего не предпринял. Родька, я хочу, чтобы в Томилине поехал грамотный, знающий сыщик, который поможет местным операм.

– Так не положено, – улыбнулся Романов. – Никакие частные лица не допускаются к оперативно-розыскной и следственной работе.

– Ты мне будешь рассказывать, что положено, а что не положено! – фыркнул Бегорский. – Так, как положено, я и сам могу сделать. А ты у меня работаешь для того, чтобы организовывать то, что не положено. Позвони начальнику горотдела внутренних дел, а еще лучше – поезжай туда сам и лично договорись, пусть дадут нашему человеку возможность работать. И главное – найди такого человека. За деньгами я не постою, ты меня знаешь.

В принципе, ничего невозможного в задании Бегорского не было, начальник Томилинского ГОВД был кое-чем обязан Родиславу Романову, который интенсивно общался с ним в тот период, когда только велись переговоры о приобретении Бегорским старинной усадьбы и земли под ней. Романов тогда здорово помог милицейскому начальнику, решил некоторые его проблемы в Москве, и теперь вполне можно было обратиться к нему с такой пустячной просьбой, выполнение которой и усилий-то никаких не потребует. Конечно, сама затея Андрея выглядела в глазах Романова совершенно идиотской, но он всегда помнил, что своим нынешним благосостоянием обязан старому другу, и считал своим долгом решать все его проблемы, даже те, которые, по мнению Родислава Евгеньевича, были высосаны из пальца.

Ну что ж, с томилинским начальством он договорится и толкового сыскаря, готового в январе уйти в отпуск, тоже найдет. Не проблема.

* * *

За окном тихо падал мягкий медленный снег, и от этого было уютно и спокойно. Как хорошо, что теперь выходные – это выходные и можно спать, не прислушиваясь сквозь сон к телефону, и не тревожиться, что вот-вот позвонят и прикажут выезжать, потому что где-то кто-то кого-то убил. Можно блаженно вытянуться под одеялом, повернуться на другой бок и снова заснуть, а можно дотянуться до пульта, включить телевизор и что-нибудь посмотреть, не вставая с постели. И это не счастливая случайность свободного от преступлений и розыскной работы выходного дня, а закономерность, которую ничто не может нарушить. Теперь Настя Каменская сама хозяйка своему времени.

Эти радостные мысли посещали ее каждое утро, когда она просыпалась. Они зарождались в еще спящем мозгу и приносили несколько мгновений эйфории, но, как только голова стряхивала с себя остатки сна, на Настю наваливалась тоска.

Уже месяц, как она на пенсии. Да-да, она, привыкшая считать себя молодой и не особенно опытной девчонкой, оказывается, выслужила двадцать семь с лишним лет, к которым прибавили половину срока обучения на юридическом факультете университета, так что получилось без нескольких месяцев тридцать лет безупречной службы. Но это не самое главное. Главное – в июне 2010 года ей исполнится пятьдесят, она – полковник милиции, и для того, чтобы продолжать служить, ей нужно будет писать рапорт с просьбой продлить срок службы. Хорошо, если рапорт удовлетворят. А если нет? Настя представила себе, какое унижение ей придется испытать, читая отказную визу на собственном рапорте. Ей официально заявят: «Вы

больше не нужны, вы выработали свой ресурс, и вам теперь нет места среди нас, уйдите и уступите дорогу молодым».

При одной мысли об этом Насте Каменской делалось дурно. Она решила не ждать рокового рубежа и уйти раньше, по собственному желанию. Начальник не уговаривал остаться, да и работа с ним особо сладким медом не казалась, прежний начальник – молодой Большаков с умными глазами – давно был переведен с повышением, и на его место пришел обычный средний служака, глубоко убежденный в том, что курица – не птица, а баба – не человек.

Настя уволилась. Вышла в отставку. Получила пенсионное удостоверение. И стала радостно предвкушать, как теперь будет много спать, читать, смотреть телевизор, как будет ухаживать за мужем, варить ему супы и жарить котлеты, стирать, гладить и убираться в квартире. Однако ничего этого не случилось.

Выспалась она за три дня. Читать не хотелось. По телевизору смотреть нечего, одни ток-шоу какого-то кухонного разлива, больше напоминающие базар-вокзал, да сериалы, которые идут уже так давно, что разобраться в запутанном сюжете невозможно. Попытки стать добросовестной домохозяйкой бесславно провалились, потому что Настя, не имея ни опыта, ни навыка, делала все бестолково, неловко и долго, и Лешка терял терпение, отсылал жену «на диван отдохнуть» и доделывал все сам. Ему нужно работать, ему нужен компьютер и тишина, и сидящая дома бездельница-жена ему просто-напросто мешала. Разойтись по разным углам было непросто, квартира-то однокомнатная, и чтобы не мешать мужу, Настя забивалась с книжкой в руки на кухню, а Алексей чувствовал себя неловко из-за того, что она сидит на кухне и скушает. Он старался ее развеселить, предлагал вместе посмотреть кино, или сходить погулять, или съездить в гости к Настиным родителям или ее брату, и Настя понимала, что он готов жертвовать работой, только бы ей было хорошо. И от этого делалось еще тоскливее и горше. Она никому не нужна. Она не нужна на Петровке, откуда ее с облегчением спровадили, освободив полковничью должность для более молодого офицера, она не нужна дома, потому что мешает Леше работать. Она – старая и ни на что не годная уработавшаяся кляча.

Настя слонялась по квартире, глотая слезы, все валилось из рук, книги не радовали, безделье угнетало, но в то же время и делать ничего не хотелось, настроение все время было плохим. Опомнилась она только тогда, когда вдруг поняла, что муж стал больше времени проводить в Жуковском, где находился его институт, и все чаще оставался ночевать у живущих там же родителей. Она поняла, что ничего не хочет, кроме той работы, которую делала четверть века и которую так сильно любила. Да она и не умеет ничего другого.

И она позвонила Владиславу Стасову, главе частного детективного агентства, специализирующегося, как выражался сам Стасов, на помощи в обеспечении судебных процессов. Помощь эта выражалась в том, что по заданиям адвокатов, ведущих как уголовные, так и гражданские дела, люди Стасова выискивали свидетелей и доказательства, которые могли бы коренным образом изменить, казалось бы, очевидное и заранее прогнозируемое решение суда или хотя бы заронить сомнение в аргументах противной стороны.

Стасов ужасно обрадовался ее звонку.

– Долго ты телилась, – весело загрохотал он в трубку, – я тебя уже месяц жду. Как ты рапорт написала на увольнение, так и начал ждать. дождался, стало быть?

– дождался, – вздохнула Настя. – Возьмешь меня к себе?

– А то! Ты еще спрашиваешь! Я тебе самый лучший насест в своем курятнике выделю, рядом с твоим любимчиком Мишкой Доценко. Будешь с ним ворковать в свободное от работы время.

Михаил Доценко когда-то работал с Настей в одном отделе, и работал хорошо, был одним из лучших оперов, но когда женился и обзавелся ребенком, ему пришлось снять погоны – надо было думать о том, как содержать семью. Теперь он уже несколько лет работал у Стасова и был совершенно доволен жизнью.

– Владик, а ты уверен, что я справлюсь? – осторожно спросила Настя. – Я ведь все больше по убийствам работала, а у вас там другой профиль. Знаешь, я чего боюсь? Ты сейчас меня возьмешь, и очень скоро выяснится, что я ни на что не гожусь, а выгнать меня ты по старой дружбе не сможешь и будешь молча терпеть.

– Не бойсь, старуха, – оптимистично заявил Стасов, – у нас работа хоть и скучноватая, зато на девяносто пять процентов завязана на информацию, а ведь работа с информацией – это твой конек. И чтобы примирить тебя с горькой действительностью, скажу честно, что доходы у нас весьма и весьма пристойные, так что с голоду не помрешь. Давай, бери ноги в руки и приезжай, напишешь заявление, отнесем кадровичке, покажу тебе твой стол, и приступай хоть завтра, хоть сегодня вечером.

Вид конторы Стасова сильно смутил Настю. За долгие годы работы на Петровке она привыкла к огромному зданию в самом центре Москвы, высоким потолкам, широким лестницам, она привыкла к ощущению могущества, которое давало и само здание, и принадлежность к системе, которая стояла у Насти за спиной. Детективное же агентство Владислава Стасова располагалось в нескольких комнатухах – двух объединенных квартирах на первом этаже обычной многоэтажки где-то в Перово. Да, все было отремонтировано по евростандарту, и офисная мебель куплена явно не в самом дешевом магазине, но все равно это был жилой дом, и окна выходили во двор, по которому носились мальчишки и неспешно прогуливались мамочки с малышами в колясках, и все было обычно, как-то по-домашнему и от этого казалось несерьезным, ненастоящим, игрушечным. На Настю навалилась вторая волна тоски и подавленности. Теперь она годится только для такой скучной, ненастоящей работы, и сама она отныне – никто, и звать ее никак, потому что нет в руках волшебного удостоверения и той силы, которая стоит за спиной.

Но она все равно приступила к работе и старалась изо всех сил, чтобы Владик Стасов не пожалел о том, что взял ее.

* * *

– Вообще-то это не наша специализация, – недовольно произнес Владислав Стасов, выслушав дело, с которым пришел к нему этот вальяжный, хорошо одетый господин с красивой сединой. – Я вас принял только потому, что вас рекомендовал...

– Если бы это было вашей специализацией, уважаемый Владислав Николаевич, мне не нужна была бы рекомендация, я бы пришел к вам просто с улицы, – мягко возразил Романов. – Я понимаю, что прошу в определенном смысле об одолжении. Но я бы не хотел обращаться в другое агентство, потому что мне сказали, что ваши сыщики очень опытные и в известном смысле – самые лучшие.

– В известном – это в каком? – настороженно прищурился Стасов.

– У вас работают, как мне сказали, по меньшей мере два человека, которые раньше служили в убийном отделе на Петровке, то есть имеют большой опыт раскрытия убийств, а ведь мое дело – это как раз дело о двух трупах. Я убедительно прошу вас не отказывать мне, Владислав Николаевич. Гонорар будет более чем просто высоким, мой шеф это гарантирует.

Но Стасов продолжал упираться, он слишком хорошо знал, как могут отреагировать в местной милиции на появление гражданского лица, которое попытается сделать то, что сами они сделать не смогли или, что еще хуже, не захотели. Ведь кто его знает, какой там расклад, в этом тихом провинциальном городе Томилине, может, действительно оперативники смотрят на ситуацию замыленным глазом и не видят очевидного, так часто бывает, когда занимаешься одним делом слишком долго, а может быть, убийца или хотя бы подозреваемый хорошо им известен, но по определенным причинам его не задерживают и не арестовывают. Причин этих хоть отбавляй, начиная от близкого родства с городским или даже областным руководством

и заканчивая самыми немислимыми обстоятельствами. Можно себе представить, как в таком случае отнесутся к незваному гостю из столицы, который только все напортит. Да и в первом случае, если все дело не в умышленном прикрывании злоумышленника, а просто в том, что не могли раскрыть преступление, появление частного сыщика не вызовет ничего, кроме злости, раздражения и вполне справедливого негодования. Не говоря уж о том, что привлечение частных лиц к следственно-оперативным действиям выходит за рамки закона и служебных инструкций.

Всеми этими соображениями Стасов немедленно поделился с гостем и получил немедленный же ответ, сопровождаемый чуть виноватой улыбкой:

– Об этом можете не беспокоиться, Владислав Николаевич, начальник городского ОВД окажет всяческое содействие, я с ним уже переговорил. Поверьте мне, я ни за что не стал бы втягивать вас в авантюру и заказывать работу, заранее обреченную на провал. Сперва я решил вопрос с милицейским руководством, заручился их согласием помочь, а уж потом пришел к вам. Ну так как? Что вы мне скажете?

Стасов вздохнул. Ему очень хотелось рассердиться на этого предусмотрительного человека и сказать ему что-нибудь резкое и ехидное, но Владислав чувствовал, что Романов ему нравится. Что-то в нем было такое, не то обаяние, не то харизма какая-то, но отказать ему не было никакой возможности.

– Я рассмотрю ваш заказ и завтра дам ответ, – сказал он.

– Пожалуйста, не отказывайте мне. И поручите эту работу какому-нибудь толковому парню.

«Нет, – подумал Стасов, – ты мне, конечно, нравишься, но так просто я тебя не отпущу. Хоть за мизинец, да укушу». Он кинул быстрый взгляд на лежащую перед ним визитную карточку гостя: какое-то имя у него заковыристое, с первого раза не запомнить.

– Уважаемый Родислав Евгеньевич, давайте распределим роли. Вы – заказчик, ваше дело – сформулировать задачу и оформить заказ, а уж мое дело – подобрать исполнителя, который наилучшим образом ваш заказ выполнит. Поэтому вы уж не обессудьте, если вместо толкового паренька я пошлю в Томилин женщину среднего возраста, – злорадно произнес он и воззрился на Романова, предвкушая реакцию.

Реакция, разумеется, не заставила себя ждать. Высокий лоб Родислава Евгеньевича немедленно пересекли две глубокие морщины, которых не было еще секунду назад.

– Женщина средних лет? Вы шутите?

– Отнюдь. Очень толковая, даже более того. Двадцать семь лет работы в убийном отделе на Петровке.

– Хотелось бы все-таки иметь дело с мужчиной, – неуверенно произнес Романов.

– В моем распоряжении нет мужчин с ТАКИМ, – Стасов сделал ударение на последнем слове, – опытом. Вы же хотели самого лучшего работника, так вот самый лучший у меня – это именно женщина и именно средних лет. Если вы согласны на то, что ваш заказ будет выполнять менее опытный сыщик, то я поручу ваше дело молодому мужчине. Я так понимаю, что молодым мужчинам вы доверяете больше, чем немолодым женщинам?

Романов смущенно улыбнулся.

– Честно признаться, я никогда не верил в силу женского ума.

– Просто вам не везло с женщинами, – усмехнулся Стасов. – На моем пути умные женщины попадались довольно часто, одна из них – моя жена, другая – моя сотрудница. Ну так как? Вы готовы передать ваш заказ моей фирме на моих условиях?

– Да, конечно, – рассеянно кивнул Романов. – Вы – руководитель, вам виднее. Если нельзя поручить мое дело мужчине, то... Что ж, пусть будет по-вашему. Но, может быть, вы все-таки еще подумаете над кандидатурой? Может быть, у вас найдется сыщик мужского пола, умеющий раскрывать убийства?

– Найдется, – Стасов уже не скрывал ехидства. – Его зовут Анастасия Павловна Каменская.

На лице Романова отразилось нескрываемое облегчение.

– Каменская? Та самая? Из отдела Гордеева?

– Из бывшего отдела Гордеева, – поправил его Стасов. – Виктор Алексеевич давно на пенсии, после него в отделе сменился уже третий начальник.

– Ну да, ну да, – пробормотал Романов. – Я наслышан о ней, у меня осталось много друзей в милицеских кругах. У нее очень хорошая репутация.

– Да уж, – засмеялся Стасов, весьма довольный. – Ну так как? Против Каменской вы не возражаете?

– Буду счастлив, если она возьмется за мое дело.

– Не она возьмется, а я ей поручу, – снова уколол гостя Стасов. – На том и порешим. Я подумаю над вашим предложением, а вы приходите завтра, и если я приму решение взяться за ваше дело, то оформим заказ.

– Я очень надеюсь, что вы мне не откажете, – обаятельно улыбнулся Родислав Евгеньевич.

– Ничего не могу гарантировать, я подумаю, – уклончиво ответил Стасов, хотя в глубине души уже решил взяться за этот заказ и поручить его Насте. Правда, работа на выезде, а Настюха командировок не любит, тем более с неопределенным сроком, но все равно эта работа – как раз то, что ей надо, что она умеет и любит.

* * *

– Куда? – в ужасе воскликнула Настя. – В Томилине? Это где?

– Восемь часов на машине или семь с половиной на поезде, – спокойно объяснил Стасов. – Чего ты так испугалась? Я же не на Северный полюс тебя посылаю. Тихий приличный город вокруг крупного градообразующего предприятия. И по городу ходит маньяк. Ну чем тебе не работка?

– Владик, я не хуже тебя знаю эти тихие провинциальные городки. Тьмутаракань, гостиница с клопами, горячей воды нет, туалет и душ в коридоре, один на весь этаж, чтобы чаю выпить, приходится воду греть кипятильником в стакане. И куда ты меня посылаешь? В какой-то дом престарелых? Там кругом одни старики, немощь, болезни, страдания, одиночество, нищета. Я и так только-только выбралась из депрессии, в моем состоянии мне только этого всего не хватало! Стасов, ну пожалей ты меня, – взмолилась она. – Пусть кто-нибудь другой поедет.

Но Стасов жалеть ее не собирался.

– Не сгущай краски, это не дом престарелых, а клуб пенсионеров. И создавать тебе льготные условия я не могу. Есть заказ, и его нужно выполнять, а все люди, кроме тебя, сейчас плотно заняты. Тебе надо начинать нормально работать, – строго произнес Стасов. – Ты же не хочешь получать зарплату просто так?

– Не хочу, – удрученно проговорила Настя.

– Ну вот видишь. Если ты сделаешь работу в Томилине, то получишь не просто большой гонорар, а очень большой. Ты его честно заработаешь. Более того, заказчик сказал, что гонорар ты получишь в любом случае независимо от результата, а вот если ты справишься с работой и раскроешь два убийства, то получишь еще и премию.

Настя задумалась. Материальное стимулирование в таком чистом виде было для нее внове, за свою работу она привыкла получать только зарплату, и не сказать, чтоб очень уж большую. А заняться тем, что умеешь и любишь, да еще за хорошие деньги... В этом было что-то неправильное, ей даже казалось – порочное и при этом страшно привлекательное. Нешто попробовать? Но гостиница с клопами... И местные оперативники, которые будут ей всяче-

ски мешать и унижать незваную гостью при каждом удобном случае... И старики-пенсионеры, одним своим видом напоминающие ей о собственных проблемах...

– Леш, я страшно не хочу ехать в этот Томилин, – говорила Настя мужу, вернувшись домой с работы. – Меня там местные деятели с потрохами съедят и не подавятся. Они начнут мне грубить и хамить, а я буду обижаться и расстраиваться, и это будет не работа, а сплошная борьба с настроением и амбициями. Кроме того, я не хочу этих пенсионеров. Я сама пенсионерка, я до сих пор не смирилась со своим новым статусом, и мне как нож острый их проблемы с одиночеством, ненужностью и невостребованностью.

Чистяков слушал ее и методично резал лук и зелень для салата, не поднимая головы. Настя даже не была уверена, слышит ли он то, что она говорит.

– По-моему, ты драматизируешь, – спокойно сказал он. – У тебя новая работа, тебе нужно научиться ее делать, тебе нужно научиться работать в качестве частного лица, за спиной у которого нет государственной поддержки. Ты никогда этому не научишься, если не начнешь хоть что-то делать. Под лежащий камень, сама знаешь, вода не течет. Ты беспокоишься, что не сложатся отношения с местной милицейской властью? Так учись их строить, эти отношения. Само собой ничего не сделается. Имбирь класть или не нужно?

– Положи, – машинально ответила Настя, думая над словами мужа.

Она была уверена, что Лешка поймет ее мучения, поймет, как ей не хочется ехать в Томилин и заниматься этим странным «стариковским» делом и в то же время ей не хочется, чтобы Стасов подумал, будто она решила воспользоваться их давними дружескими отношениями и выторговать себе особо удобные условия работы. Стасов прав: получать приличную зарплату просто так она не будет, она просто не позволит себе этого. И Лешка тоже прав: если ничего не делать, то ничему и не научишься. Но как же не хочется...

«Лешка хочет, чтобы я уехала, – внезапно поняла Настя. – Я его достала своим нытьем, своим вечно плохим настроением, своим мельтешением перед глазами. Он хочет, чтобы я занялась наконец делом и пришла в себя. Ему не нужен дома моральный урод. Он и так сделал все, что мог, чтобы вытащить меня из депрессии, он потратил на меня кучу сил и времени, и у него кончилось терпение. Он хочет побыть один».

– Ты прав, Лешик, – негромко произнесла она, – мне нужно ехать. Ты совершенно прав.

Она достала из сумки визитку Андрея Сергеевича Бегорского, оставленную Романовым и переданную ей Стасовым, и набрала указанный в ней номер телефона.

– Выезд завтра утром, – деловито заявил Бегорский, – диктуйте адрес, машина будет возле вашего дома в семь утра.

– Хорошо, – послушно ответила Настя и кинулась собираться.

Чистяков вышел из кухни с ножом в руке и с изумлением посмотрел на жену, которая доставала с антресолей большую дорожную сумку.

– Слушай, может, мы все-таки поужинаем для начала? Салат готов, рыба пожарена.

– Леш, мне выезжать завтра утром. – Она спрыгнула с табуретки с сумкой в руках и бросила ее на пол. – Надо собраться. Я ничего не успею.

– Всё ты отлично успеешь. Я тебе помогу. Иди за стол.

Они быстро поужинали и начали прикидывать, что Насте нужно взять с собой. Главная проблема состояла в том, что непонятны были две основные вещи: бытовые условия и сроки пребывания. Например, нужно ли брать махровый халат? Если в гостинице холодно и дует из окон, то нужно, Настя будет в нем спать, но халат занимает много места, поэтому хотелось бы знать точно, понадобится ли он. Нужно ли брать полотенца или в местной гостинице их все-таки дают? Нужно ли класть в сумку большой флакон с хорошим шампунем, к которому Настя привыкла, или в тамошнем магазине его можно купить? И так далее. Вопросов было множество, ответов – ни одного. Они как раз достали из шкафа и рассматривали тонкий хлопковый спортивный костюм, прикидывая, нужен он или нет, когда зазвонил Настин мобильник.

– Это Бегорский, – послышался из трубки голос заказчика. – Садитесь, записывайте.

Настя схватила блокнот и ручку и пристроилась за компьютерным столом в полной уверенности, что Андрей Сергеевич сейчас поделится с ней важной для дела информацией. Но она ошиблась, звонил он вовсе не для этого.

– Возьмите с собой три свитера – тонкий, средний и очень теплый. Тонкий и средний – с высоким горлом, очень теплый – с вырезом. Теплый свитер возьмите на размер, а лучше – на два размера больше, чем тонкий и средний, – мерно диктовал он. – Джинсы или брюки, две пары, узкие, ни в коем случае не расклешенные. Дальше: сапоги на толстой подошве...

Настя обомлела. Это что же получается, тот, кто деньги платит, тот и музыку заказывает? Этот хмырь с миллионами в кармане собирается ей указывать, какие джинсы ей носить, расклешенные или узкие? Может, ему не нравится возродившаяся мода на клеш? Ничего, перебьется.

Она попыталась несколько раз перебить собеседника, но он не слушал ее и продолжал методично диктовать. На шестом пункте Настя перестала записывать и вообще слушать, одной рукой она прижимала трубку к уху, другой доставала и подавала мужу вещи, которые тот аккуратно укладывал в сумку. Наконец ей удалось уловить паузу в речи собеседника, и она тут же встряла:

– Может, вы мне укажете, какой шампунь взять с собой?

Она не скрывала сарказма, но по тону Бегорского не сумела понять, услышал ли он это.

– Шампунь можете взять тот, которым постоянно пользуетесь, но, в принципе, город достаточно хорошо снабжается парфюмерией и косметикой, и в магазинах есть все то же самое, что и в Москве. Или возьмите свой, или купите на месте, на ваше усмотрение. Вы все записали?

– Конечно, я все записала, – соврала Настя, не моргнув глазом.

– Теперь скажите мне, какой системы питания вы придерживаетесь?

– Что?

Она даже не поняла, о чем Андрей Сергеевич ее спрашивает.

– Я спрашиваю: что вы обычно едите? Какую еду? Как она приготовлена?

– Что дадут, то и ем, я не капризная.

– При чем тут капризы? – Бегорский удивился, как Насте показалось, совершенно искренне. – Дело вовсе не в капризах. Любой человек, а особенно в вашем возрасте, должен заботиться о своем здоровье, а не жевать все подряд.

– Знаете, – зло ответила Настя, – когда двадцать пять лет с утра до вечера ловишь преступников, то радуешься любому куску, если вообще находится минутка, чтобы этот кусок сжевать. Вы совершенно справедливо обратили внимание на мой возраст, мне через полгода стукнет пятьдесят, и все свои годы я как-то прожила по собственному разумению, и работала, и ела, и одевалась, и в командировки собиралась. И, как видите, до сих пор жива, не пропала. Так что, вы уж позвольте, я как-нибудь сама решу, что мне носить и как питаться. Вы мне будете платить за работу, а не за то, чтобы я носила брюки того фасона, который вам нравится.

Бегорский расхохотался в трубку, весело и заливисто.

– Знаете, – проговорил он, отсмеявшись, – вы вторая женщина в моей жизни, после моей жены, которая осмеливается мне перечить. Я готов вас уважать уже за одно это. Значит, так: соберетесь по списку, который я продиктовал, и завтра ровно в семь утра я жду вас в машине возле вашего подъезда.

Настя опешила. Она была уверена, что ей просто предоставляют машину с водителем, чтобы добраться до места, а оказывается, заказчик сам собирается с ней ехать. Что бы это значило? Что он намерен оставаться в Томилине и жестко контролировать ее работу, требуя отчета по каждой ерунде и ежеминутно раздавая ценные указания? Очень похоже, если судить по тому, что он только что диктовал ей список и морочил голову насчет системы питания.

Система питания! Надо же такое удумать! Жри, что дают, и скажи спасибо, что вообще дали, а не оставили голодной.

– Вы тоже едете? – осторожно спросила она.

– Конечно. По дороге я вам все расскажу, чтобы не терять времени на месте. Вы приедете и будете уже в курсе, будете владеть информацией. До завтра, Анастасия Павловна. Да, и обязательно плотно позавтракайте, первая остановка для приема пищи будет не раньше полудня.

Черт бы его взял, этого Бегорского! Настя с раздражением швырнула трубку на диван и вернулась к сборам.

– Что он хотел? – спросил Чистяков, укладывая в сумку пакет с флаконами шампуня и кондиционера для волос. – Фен берешь?

– Беру, – вздохнула она, – зима все-таки, страшно на улицу с непросохшей головой выходить, а ждать, пока волосы сами высохнут, долго. Что он хотел? Он хотел, чтобы я плясала под его дудку. Вот посмотри теперь, что такое заказчик на моей новой работе: он платит деньги и считает возможным диктовать мне, как одеваться и чем питаться, как будто я слабоумная. И так теперь будет всегда, между прочим. На Петровке я была человеком, а теперь я – никто и ничто, и каждый, у кого есть деньги, будет считать возможным мной помыкать. А ты так уговаривал меня идти работать к Стасову! Да я на этой работе превращусь в прислугу, в девочку на побегушках.

Она разволновалась и не заметила, что повышает голос и говорит все более раздраженно и агрессивно.

– Леш, слушай, а может, мне уйти от Стасова, пока не поздно? Вот взять сейчас и позвонить ему, отказаться и от этой работы в Томилине, и от работы вообще. Буду сидеть дома, и никто не будет мне указывать...

Чистяков обнял ее, прижал Настину голову к своему плечу, погладил по волосам.

– Ну что ты, что ты, успокойся, Асенька, не горячись. Ну что такого особенного случилось? Подумаешь, позвонил какой-то идиот и продиктовал тебе список. Ну и что? Выброси ты этот список и забудь про него, соберись в поездку по собственному разумению, возьми только то, что считаешь нужным, и ни на что не обращай внимания. Ты – специалист, профессионал, и тебе будут платить деньги именно за то, что ты умеешь и любишь делать, вот об этом ты должна помнить. А кто, о чем и каким тоном с тобой поговорил – это дело двадцатое. Твоя задача – раскрыть преступление, а не завоевать любовь заказчика. Плюнь и разотри. Мало ли у кого какие причуды. У тебя у самой вон полна голова тараканов, а я тебя, дурочку, все равно люблю.

– Правда? – Она подняла голову и сквозь слезы посмотрела на мужа. – Правда любишь?

– Конечно, правда, – подтвердил Алексей.

– Даже с тараканами?

– Не «даже», а «тем более», – с улыбкой поправил он. – Тараканы придают тебе особую прелесть. Без них ты была бы скучной и пресной.

Настя успокоилась, и через пятнадцать минут сумка для поездки была полностью готова. В рамках терапии Чистяков предложил посмотреть какой-нибудь фильм на диске, они выбрали американскую комедию «Любовь зла», которую Настя очень любила и могла смотреть без конца, и устроились, обнявшись, на диване.

Но предварительно Настя порвала недописанный список, продиктованный Бегорским, и с наслаждением выбросила в мусорное ведро.

Глава 2

Первое впечатление от Андрея Сергеевича Бегорского сложилось у Насти странное. Если судить по вчерашнему телефонному разговору, заказчик должен был бы быть человеком с большими, мягко говоря, особенностями. Настя ожидала увидеть чудаковатого, нелепо одетого и почему-то неопрятного мужчину, обалдевшего от собственного непонятно откуда свалившегося на него богатства и обставившего себя многочисленной охраной, хамоватого, занудного и противного. Однако все оказалось совсем не так. Рядом с ней на заднем сиденье дорогой машины представительского класса сидел хорошо одетый человек, ухоженный, подтянутый, с неправильными чертами некрасивого лица, но при этом очень привлекательный. Впереди рядом с водителем расположился рослый плечистый охранник. Всего один. Правда, водитель тоже был парнем немелким, так что вполне мог сойти за второго охранника, но все равно картина оказалась совсем не такой, какую Настя нарисовала в своем воображении накануне. Она была уверена, что Бегорский первым делом поинтересуется, собралась ли она по его списку, а то еще и проверит содержимое сумки, но Андрей Сергеевич отчего-то никаких вопросов о списке не задал и даже не удостоил взглядом ее спортивную сумку, которую водитель уложил в багажник. Другую сумку, в которой лежал компьютер, Настя взяла с собой в салон и аккуратно уместила на коленях.

Андрей Сергеевич Бегорский, по-видимому, действительно не любил терять время зря, потому что, едва поздоровавшись с Настей, начал рассказывать.

Клуб «Золотой век» он открыл два года назад, но придумал его гораздо раньше, нашел место – старинную заброшенную усадьбу, которую все называли «усадьбой Вяземских» и в которой при советской власти располагался туберкулезный санаторий. Санаторий давно закрыли, а усадьбой никто не занимался, никому она не была нужна, потому что требовалось вложить деньги, а денег у городских властей не было. Бегорский выкупил усадьбу вместе с землей, восстановил ее и открыл клуб, главной задачей которого было распространение компьютерной грамотности среди населения старшей возрастной группы.

– Это люди, которые уже заканчивали трудовую деятельность, когда началась компьютеризация, они не успели ничему научиться и теперь фактически оторваны от жизни, а ведь владение компьютером позволило бы им вернуться к активному общению, которого пенсионерам обычно так не хватает. Они могли бы переписываться по электронной почте и друг с другом, и с родственниками в других городах, да даже с собственными внуками, живущими на соседней улице. Внуки-то к бабушке с дедушкой не больно приходят, а вот переписываться по «мылу» будут с удовольствием, потому что дети любят компьютеры и готовы сидеть за ними часами. Кроме того, широчайший выход в мир дает Интернет, можно найти любую информацию и друзей по любому хобби и в любой сфере интересов. Найти, начать переписываться, потом, может быть, встретиться. В общем, я понял, что компьютерная грамотность старикам совершенно необходима, – с горящими глазами объяснял Бегорский. – Но тут возникают две проблемы: людей нужно научить пользоваться компьютером, учитывая возрастные особенности, плохое зрение, плохой слух, ограниченную подвижность пальцев, низкую скорость действия, и людям надо дать доступ к компьютерам, потому что далеко не каждый пенсионер имеет возможность его купить. Вот в решении этих задач и была суть моего клуба. Я начал его с двух компьютерных классов и компьютерного зала. В классах я организовал обучение по специально разработанной программе, рассчитанной на пожилых людей, консультировался с геронтологами, офтальмологами, лор-врачами, в общем, задействовал кучу специалистов. А в компьютерном зале сделал что-то вроде интернет-кафе, где люди, уже умеющие обращаться с компьютерами, могли бы работать. Обучение бесплатное, пользование интернет-кафе – платное, но плата чисто символическая, мизерная.

– И что, проект окупается? Дает прибыль? – поинтересовалась Настя.

– Да бог с вами! – Бегорский весело рассмеялся. – Это же не коммерческий проект, это чистая благотворительность, которую я, к счастью, могу себе позволить.

Постепенно клуб «Золотой век» расширял направления деятельности, посещающие его пенсионеры уже занимались не только компьютерами, а на обучение стали приезжать люди из соседних городов и даже из областного центра. Бегорский заранее позаботился о том, чтобы таким гостям было где остановиться.

– Впрочем, все это детали, которые вы увидите на месте, я сейчас не буду на них останавливаться, вам все покажут. Перейду к главному. Почти год назад была найдена убитой одна дама, посещавшая мой клуб, а спустя полгода – еще одна. У обеих на груди найдено разбитое зеркало, из одного уха вырвана серьга, и обе задушены, одна – шерстяным шарфом, другая – шелковым, то есть картина убийства абсолютно одинаковая. Преступления не были раскрыты, зато в местной газете появилась совершенно дурацкая статья, которая спутала мне все карты. Вот, прочтите, я специально захватил. Вы почитайте, а я потом продолжу.

Он протянул Насте тонкую зеленую папку, в которой лежала вырезанная из газеты статья. Настя достала из сумочки очки для чтения и углубилась в текст. Читать было неудобно, серый тяжелый январский свет едва проникал через тонированное стекло автомобиля, Настя морщилась, щурилась, подносила текст поближе к окну и наконец одолела душераздирающую историю рода Румянцевых-Лобановых. Она вернула папку Бегорскому, убрала очки в сумку и приготовилась слушать дальше.

Оказалось, статье многие поверили и, что еще хуже, сделали далеко идущие выводы: в усадьбе или где-то совсем рядом с ней находится психически больной потомок бывших владельцев усадьбы, который недоволен тем, что в ней теперь находится клуб, и хочет добиться того, чтобы клуб развалился и в конце концов закрылся. Число членов клуба, переставших приходить в усадьбу, стало расти, три человека из персонала уволились, и не почему-нибудь, а именно из-за страха стать жертвой сумасшедшего убийцы. Сам Бегорский насчет маньяка из рода Румянцевых не очень уверен, он склонен думать, что у этих событий может быть совсем другое объяснение. Некоторое время назад ему стали поступать предложения закрыть клуб или перевести его в другое место и продать усадьбу, которая после реставрации стала весьма лакомым куском. У него есть информация, что на усадьбу нацелились люди, связанные с семьей мэра города. Эти люди хотят сделать в усадьбе не то элитный бордель, не то дом приемов с шикарным рестораном и гостиницей, короче, зарабатывать деньги. Предложения о продаже Бегорский отверг, после чего были предприняты несколько попыток запугать его. Андрей Сергеевич и вообще-то не из пугливых, но вдобавок человек предусмотрительный и оформил все таким образом, что его смерть ни на что не влияла: он составил завещание, в соответствии с которым усадьба в случае его смерти переходит в собственность холдинга, а не родственников, а у холдинга ее отобрать крайне затруднительно, так что убивать Бегорского нет никакого смысла. Завещание было открытым, и Андрей Сергеевич постарался, чтобы о его содержании знало как можно больше людей. Именно поэтому заинтересованные в покупке усадьбы люди и добиваются того, чтобы он отказался от усадьбы добровольно.

– Так что я не исключаю, что оба этих убийства организованы теми, кто хочет развалить мой клуб и вытеснить меня из усадьбы и из Томила. Тем более имели место еще кое-какие события, вам о них расскажут на месте очевидцы, – закончил он повествование.

– Вы должны отдавать себе отчет, что найти преступника в чужом городе мне будет очень сложно, – предупредила Настя. – Ведь томилинская милиция наверняка сделала все возможное, чтобы найти убийцу, а у них средств и возможностей куда больше, чем у меня. Вся ваша затея кажется мне, вы уж простите, весьма сомнительной.

– Уточняя задачу: я не жду, что вы найдете убийцу и в наручниках приведете в милицию. Мне нужно, чтобы вы развеяли слухи о том, что эти убийства связаны непосредственно с

усадьбой и моим клубом. Мне нужно, чтобы люди перестали бояться, чтобы персонал не увольнялся, а члены клуба продолжали его посещать и привлекали новых гостей. Если вы решите эту задачу, я буду вполне удовлетворен. Мне рекомендовали вас как хорошего профессионала, и я не собираюсь лезть к вам с советами, вы сами придумаете, что и как надо делать. В усадьбе предупреждены о вашем приезде, и вам будут оказывать всяческую помощь.

Очень интересно! И о чем же предупреждены в усадьбе? О том, что хозяин привезет частного детектива, который будет искать убийцу? Умно, ничего не скажешь, особенно если учесть, что убийца вполне может оказаться среди персонала или членов клуба.

– И что конкретно вы сказали? – спросила Настя.

– Как мы и договорились с вашим шефом: вы – социальный психолог, изучающий проблемы социальной адаптации после окончания трудовой деятельности. Вы сможете общаться со всеми, с кем пожелаете, задавать любые вопросы, смотреть любые документы.

Ну, слава богу, ума хватило. Настя с облегчением перевела дух. Но Стасов тоже хорош, мог бы и предупредить ее, а не договариваться с заказчиком за ее спиной. И снова в ней поднялась волна какого-то тошнотворного, вялого негодования: вот он, хлеб негосударственной службы, сколько же унижений надо нахлебаться, чтобы съесть свой законный кусок!

– Кто-нибудь в усадьбе знает, кто я на самом деле?

– Только два человека, кроме меня.

– Кто они? Ваши заместители?

– Мои жены, – ответил Бегорский с легкой улыбкой, значения которой Настя в первый момент не поняла.

Она решила, что ослышалась. Или это у Бегорского юмор такой специфический?

– Ваши... кто, простите?

– Мои жены, – терпеливо повторил он. – Вера Алексеевна Бегорская, моя первая жена, работает у меня кадровиком и одновременно главным бухгалтером. Я, видите ли, большой поклонник совместительства, это позволяет не раздувать чрезмерно штаты, и в то же время при относительно небольшом объеме работы люди не сидят и не скучают без дела. Безделье я считаю злейшим врагом человека. А Тамара Николаевна Виноградова – моя четвертая жена.

– И кем она работает в усадьбе?

– А никем, – Бегорский беззаботно махнул рукой. – Тамара – прекрасный парикмахер, победитель международных конкурсов, кроме того, она занимается дизайном одежды, разрабатывает модели, кроит, шьет. У нее в усадьбе парикмахерский салон.

«Все понятно, – с некоторой брезгливостью подумала Настя. – Четвертая жена! Это ж надо! Наверняка путь от первой жены к четвертой шел по возрастной нисходящей, каждая следующая жена была моложе и красивее предыдущей. Знакомая картинка. Многие стареющие богачи, теряя мужскую силу, пытаются взбодрить ее влечением ко все более молодому телу. И разумеется, последняя жена, в отличие от первой, может позволить себе не зарабатывать на жизнь. Первая жена Вера Алексеевна сидит на зарплате, а четвертая – молодая длинноногая красотка с грудью и аппетитной попкой – держит салон и занимается исключительно женской привлекательностью: прически, наряды. Небось еще и маникюр с педикюром, и эпиляция. Зачем пенсионерам эпиляция? Просто насмешка какая-то».

Возникшая было симпатия к Андрею Сергеевичу мгновенно улетучилась, сменившись легким презрением. Он такой же, как большинство богачей, ничего в нем нет необыкновенного. Рядовой олигарх, опупевший от денег.

Ровно в полдень машина остановилась возле придорожного ресторанчика, стилизованного под русскую избу. На крыльцо выскочил молодой, бритый налысо мужчина кавказской внешности, подбежал к машине, распахнул дверь со стороны Бегорского.

– Андрей Сергеевич! Рады вас видеть! Вы, как всегда, точны, ровно в двенадцать приехали, как и предупреждали. А у нас уже все готово, прошу-пожалуйста.

Ишь ты, у него и ресторан свой, прикормленный, в котором он всегда обедает, когда едет в Томилин. Неприязнь к Бегорскому стала еще чуть-чуть сильнее.

Их проводили в дальний уголок зала, где были накрыты два стоящих рядом стола, каждый на две персоны. За один стол сели Бегорский и Настя, за другой – водитель и охранник. Немедленно появились официанты, поставившие перед гостями тарелки с половинками грейпфрута, который оказался таким кислым, что у Насти скулы свело. «Похоже, Андрей Сергеевич питается лепестками роз, – подумала она. – Половинка грейпфрута и чашка кофе, на этом обед будет завершен. То-то он спрашивал про систему питания! Сам небось следит за фигурой и считает каждую калорию, которых в таком обеде – ноль целых ноль десятых. И что мне теперь, с голоду умереть?»

Однако за грейпфрутом последовал салат из свежих овощей, заправленный оливковым маслом с лимоном, и к нему – хлеб из темной муки грубого помола. Настя слегка повеселела. Так еще ничего, жить можно! После салата принесли нечто желтенькое с цветными вкраплениями, которое на вкус оказалось просто замечательным.

– Что это? – спросила Настя с набитым ртом, забыв о приличиях.

– Это кус-кус и овощи «имам бялды».

Из сказанного Настя опознала только слово «овощи», про кус-кус она слышала, но никогда не ела, как-то не доводилось, а про «имама» вообще представления не имела. Оказалось, что название загадочных овощей переводится как «имам в обмороке» – до того вкусным некоему имаму показалось это блюдо на основе баклажанов и помидоров.

К моменту, когда подали кофе, Насте уже казалось, что она объелась и не проголодается по меньшей мере неделю. Она по привычке положила в чашку два кусочка сахара и бросила ломтик лимона. Бегорский пил кофе без сахара и без молока.

– Горько же, – удивилась Настя.

– Я привык, – скупно улыбнулся Андрей Сергеевич.

– А зачем надо было привыкать? Вам нельзя сладкого?

– Сладкого никому нельзя. Все это понимают, только не все с этим считают. Вы сыты?

– Более чем. Честно признаться, я была уверена, что люди вашего масштаба едят на обед какое-нибудь изысканное мясо или дорогую рыбу.

– Мясо и рыба – это белок, равно как творог и яйца, их можно есть только вечером, на ужин. На обед углеводы с овощами, на ужин белок с овощами. Только так.

– Да? – Настя изумленно приподняла брови. – Впервые об этом слышу.

– Ну вот, не зря я вас спрашивал, какой системы питания вы придерживаетесь. Я так и знал, что никакой системы у вас нет. Это очень плохо.

– Да мне вроде не нужно худеть, – усмехнулась Настя. – Лишний вес мне не грозит.

– При чем тут вес? – Бегорский недовольно нахмурился. – Дело не в весе, а в нормальном самочувствии и высокой работоспособности. Это не блажь и не дань моде, это необходимое условие функционирования любого механизма, будь то производство или отдельно взятый человек. Когда человек питается правильно, он может хорошо и продуктивно работать и долго не уставать. Когда он питается неправильно, у него появляется учащенное сердцебиение, тошнота и прочие неприятные вещи, его клонит в сон, он никуда не годится и не может работать. Вот и все. Я категорически настаиваю на том, чтобы вы, пока работаете на меня, питались так, как я предписываю, и хорошее самочувствие вам будет гарантировано. Я, в конце концов, плачу деньги за работу, а не за то, чтобы нанятый мною работник плохо себя чувствовал, болел и не работал.

– А если я не захочу есть то, что вы мне предписываете? – поинтересовалась Настя. – Если мне не понравится ваша еда?

– Вы будете есть то, что вам дадут, а если вам не понравится, вы пойдете в городское кафе и наедитесь всякой дряни, после которой у вас будет тяжесть в желудке и изжога. Или

купите в магазине молока и плюшек, наедитесь у себя в комнате до отвала, так, что вздохнуть не сможете, и уснете. И в том, и в другом случае вы поймете, что в конечном итоге я прав.

Настя достала сигареты и закурила. Она не курила с момента отъезда из дома и с нетерпением ждала момента, когда можно будет сделать первую затяжку.

– У меня такое ощущение, что вы вообще всегда правы. Вы, кажется, говорили, что никто, кроме жены, не смеет вам перечить и говорить «нет». Вы какую жену имели в виду? Первую или последнюю?

– Последнюю, Тамару. Но я чувствую, что вы собираетесь примкнуть к ее движению, – Бегорский улыбнулся широко и радостно. – Так что вас будет двое.

В машине они снова вернулись к разговору об усадьбе и клубе. Настю интересовала статья, которую Бегорский давал ей прочесть.

– Как вы думаете, откуда журналистка взяла эту историю? – спросила она. – Не может так оказаться, что все это – правда?

Бегорский пожал плечами.

– Может, все может. Но мне-то от этого не легче. Люди от меня уходят – вот что меня волнует в первую очередь. Если маньяк ходит по городу, то вы его, конечно, в одиночку поймать не сможете, я это понимаю. Но если он есть и сидит у меня в клубе, то вам вполне по силам его вычислить. Либо найти его, либо доказать, что в клубе его нет и для персонала и гостей не существует никакой опасности. А насчет журналистки этой, Натальи Малец, я справки наводил. Девятнадцать лет, наверняка сопливая амбициозная дура, которая решила прославиться, напридумывать высосанных из пальца ужасов и сделать горячий материал. Ну что ж, ей это в общем-то удалось, в городе нет ни одного человека, который не прочел бы эту статью. Более того, статью перепечатали в местных газетах Костровска и нашего областного центра.

Настя вздрогнула.

– Костровска?

– Да, это в шестидесяти километрах от Томилина. А в чем дело? Вы там бывали?

– Бывала, – рассеянно кивнула она.

Да уж. Лучше бы не бывала. Сколько лет прошло? Пятнадцать? Нет, кажется, шестнадцать. Она поехала в Костровск лечиться в санатории и вляпалась в историю с убийствами и производством подпольных порнофильмов. Именно в Костровске она познакомилась с Эдуардом Петровичем Денисовым, местным «крестным отцом», который уговорил ее принять участие в расследовании... Интересно, его бывший начальник службы безопасности Старков все еще живет там же или куда-нибудь переехал? Сколько лет они не виделись? Кажется, с девяносто шестого года. Или с девяносто седьмого. Правда, Старков до сих пор каждый год поздравляет ее с Днем милиции, ни разу не забыл. Можно попробовать позвонить ему, если, конечно, он не сменил номер мобильного. Позвонить, приехать в Костровск, встретиться. А зачем, собственно говоря? Зачем ей Старков, который всегда относился к ней уважительно и даже как-то трепетно? Для того чтобышний раз убедиться: люди стареют и меняются, и не всегда в лучшую сторону, и нельзя дважды войти в одну реку?

Она встряхнула головой и вернулась к разговору с Бегорским.

– Как вы думаете, не может ли быть, что статью проплатили те, кто пытался на вас наехать?

– Может, – согласился он. – Убийство двух дам из моего клуба оказалось им на руку, и они постарались выжать из ситуации максимум возможного. Очень не хочется думать, что два убийства организовали тоже они, но и этого нельзя исключать.

Настя смотрела на покрытые снегом ветви деревьев, стоящих вдоль трассы. Деревья, деревья, одни деревья, глазу не за что зацепиться. И что за удовольствие ездить в такую даль на машине? Стасов же сказал, что можно добраться поездом.

– Вы всегда ездите в Томилин на машине? – спросила она.

– Если еду с Тamarой, то на поезде, она не любит так долго сидеть в машине.

– А вы любите? – с недоверием произнесла Настя.

– Поезд идет ночью, а в поездах я не могу нормально спать, и весь следующий день я неработоспособен. Ради Тamarы я терплю определенные неудобства, но если еду без нее, то делаю так, как мне удобно. По дороге занимаюсь делами, решаю вопросы по телефону, работаю с бумагами. Это я сегодня отключил телефон, чтобы никто не мешал мне работать с вами, а так он обычно разрывается.

«Работать с вами»! Ишь ты! То есть этот разговор Андрей Сергеевич рассматривает как часть работы. Ну что ж, деловой человек, ничего не скажешь.

– По-моему, здесь не очень удобно работать с бумагами, – скептически заметила Настя, вспомнив, с каким трудом ей удалось одолеть набранную мелким шрифтом статью в газете.

– Согласен, – весело кивнул Бегорский. – Но в этой машине я с документами не работаю. Для дальних поездок, требующих много времени, у меня оборудован другой автомобиль, мини-вэн, в нем переделанный салон, хорошее освещение, факс и все, что нужно для работы.

Он извинился, включил телефон и углубился в бесконечные переговоры, а Настя откинула голову на подголовник и прикрыла глаза, стараясь систематизировать все, что услышала полезного. Основных версий две: убийства организованы противниками Бегорского, и убийства совершены сумасшедшим, возможно, находящимся в старинной усадьбе. Первая версия показалась ей сомнительной, ведь если бы убийства двух женщин были запланированы с целью посеять панику среди персонала и гостей клуба, то временной промежуток между ними был бы куда меньше, от пары недель до нескольких дней. А тут полгода прошло. Нет, не получается. Значит, все-таки маньяк.

* * *

К Томилину подъехали около половины четвертого. Спина у Насти ныла, ноги затекли, смертельно хотелось курить и выпить чашку кофе. По мере передвижения по городу Бегорский давал пояснения, которые показались Насте совершенно не интересными и даже лишними.

– Мы подъезжаем к Костровскому водохранилищу, на нем стоит химкомбинат, вокруг которого, собственно, и был в свое время построен город, – говорил Андрей Сергеевич. – Первоначально город строили на берегу реки Тominки, справа и слева от комбината, потом правая часть, если стоять лицом к реке, оказалась замороженной, и основное строительство велось влево, вдоль реки, и вглубь. Наша усадьба стоит на краю города. Центр города оказался смещен к реке, а в сторону от реки, вглубь, сейчас находятся районы современной застройки. Это я к тому рассказываю, что одну из женщин убили в центре, а другую – в районе многоэтажек. Вот смотрите, сейчас мы проехали дамбу, слева водохранилище и комбинат, а мы поедem направо по проспекту Победы... теперь мы сворачиваем направо на улицу Радищева... а теперь налево, и мы с вами выехали на Парковую улицу, которая выведет нас прямо к усадьбе...

Настя слушала вполуха, эти топографические подробности были ей малоинтересны, она понимала, что при необходимости возьмет карту города и найдет все, что ей будет нужно, не потеряется. Парковая улица показалась ей мало чем отличающейся от трассы, по которой они ехали из Москвы: те же заснеженные деревья по сторонам, только проезжая часть поуже. Наверное, летом здесь и вправду красиво, но зимой совсем смотреть не на что.

– А где здесь отдел внутренних дел? – спросила она, вспомнив, что завтра с утра должна туда явиться.

– На Федеративной улице. Если бы мы с проспекта Победы не свернули на Радищева, а проехали бы еще вперед, то доехали бы до пересечения Победы и Федеративной и там налево. Длинное такое здание, в нем еще с советских времен располагаются ГОВД, прокуратура и суд. Еще и горотдел КГБ там размещался. Да вы не беспокойтесь, вам будет предоставлена машина

с водителем, вас будут возить, куда скажете, водитель хорошо знает город и всю область. Вот мы и приехали.

Машина въехала в ажурные кованые ворота, и Бегорский снова заговорил возбужденно и даже радостно. Насте показалось, что глаза у него заблестели ярче, – настолько любил он свое детище и гордился им:

– Здесь очень красивый курдонёр, но зимой это почти незаметно, вот если бы вы приехали летом, вы бы сами увидели. Здесь сажают цветы, у нас даже проводятся конкурсы на самую оригинальную клумбу.

Настя напрягла память, стараясь извлечь из нее все, что там было по архитектурной части, и вспомнила, что курдонёром называют парадный двор перед усадебным домом, обычно ограниченный с боков флигелями или крыльями этого здания. Да, Бегорский прав, укрытый толстым слоем снега парадный двор не производил ровно никакого впечатления.

Машина остановилась, Настя вышла и оглянулась по сторонам. Типичный образец классицистической архитектуры с четкостью и ясностью форм и сдержанностью декора. Декор настолько сдержанный, что граничит с суховатостью. Единственным украшением гладкой плоскости стен являются вертикальные выступы. Кажется, они называются лопатками, но Настя не очень в этом уверена. От главного дома в обе стороны отходят галереи-колоннады, заканчивающиеся парой флигелей, по одному с каждой стороны.

– Посмотрите, какие бельведеры, – с почти детским восторгом говорил Бегорский, – а на главном доме еще и световой барабан. А когда вы увидите парковый фасад, то поймете, как здесь было красиво когда-то.

– Да я уж вижу, – несмело заметила Настя, бросая взгляд на самый обычный, как ей показалось, вход в главный дом.

Бегорский перехватил ее взгляд и от души расхохотался.

– Куда вы смотрите, Анастасия Павловна? Парковый фасад не здесь, а с противоположной стороны. Парковый фасад всегда выходит на парк, а не на въездные ворота.

– Да? – Настя не на шутку удивилась. – А я думала, где парадный двор, там и парковый фасад. Мне казалось, что парадный двор – это своего рода парк.

– Ну что вы, настоящий парк дальше, за главным домом, а курдонёр – это так, визитная карточка усадьбы. Идемте, я покажу вам, где разместиться.

Водитель вытащил из багажника Настину сумку и понес к правому флигелю.

– Я буду жить здесь?

– А где же? – удивился в свою очередь Бегорский.

– Я думала, в гостинице.

– Еще чего не хватало! Вы будете работать в клубе и должны находиться поблизости. У нас в главном доме есть гостиничные номера для тех, кто приезжает на обучение из других городов, но вы будете жить во флигеле, в апартаментах. Прошу.

Он поднялся по ступеням и распахнул перед Настей дверь. Она вошла следом и оказалась в прямоугольном холле, в который выходили четыре двери. Бегорский открыл одну из них ключом и пропустил Настю в маленькую прихожую, из которой вели три двери. Бегорский по очереди открывал каждую из них.

– Здесь гостиная и мини-кухня, можете приготовить себе что-нибудь несложное или просто чайку попить, здесь спальня, здесь санузел. В гостиной есть подключение к Интернету, можете пользоваться.

Настя едва сдерживалась, чтобы не расхохотаться. В спальне стояла кровать с балдахином, под окном, задекорированным гардинами с ламбрекенами, очаровательная оттоманка с резной спинкой, у стены – консоль с выдвижными ящичками, обои в цветочек цвета старого золота. В гостиную она даже боялась заходить.

– Вам смешно? – нахмурился Бегорский. – Что-то не так?

– Нет-нет, все в порядке, – давась от смеха, проговорила она. – Просто я вспомнила, как вчера вечером представляла себе гостиницу с клопами и без горячей воды и думала, брать мне махровый халат или нет, потому что в комнате может оказаться очень холодно. Жаль, что вы заранее не предупредили меня, в каких условиях я буду жить, я бы привезла кружевной пеньюар, а то в спортивном костюме ходить по такой красоте как-то неприлично.

Бегорский, против ожидания, отнесся к ее словам вполне серьезно.

– Если вам чего-то не хватает, предупредите мужа, что к нему заедет водитель и возмет. Вам все привезут.

Настя смутилась.

– Что вы, я пошутила. И в самом деле очень красиво. Я никогда не жила в таких апартаментах.

Она вышла из спальни и робко протиснулась мимо Андрея Сергеевича в гостиную. Угловой диван, довольно длинный, на нем даже спать можно, два кресла, низкий широкий стол, еще один стол у окна, высокий, рабочий, на стене – панель телевизора. Все функционально, красиво, удобно, ничего лишнего и в то же время всего вроде бы хватает.

– Здорово! – искренне сказала Настя, впервые почувствовав нечто вроде расположения к Бегорскому.

– Вы хотите прямо сейчас разложить вещи? – спросил он.

– А какие есть варианты?

– Можете разложить их сейчас, я зайду за вами через некоторое время, или можете оставить сумку и заняться ею потом, тогда прямо сейчас мы с вами поднимемся к Тамаре, я вас представлю, и дальше вами будет заниматься уже она. Она тут всё и всех знает.

Опять пресловутая Тамара, ради которой олигарх Бегорский готов терпеть даже бессонные ночи на неудобной полке в поезде. Четвертая жена, молодая красотка с длинными ногами и крашеными волосами, может быть, даже с силиконовым бюстом и искусственно увеличенными ресницами. Но деваться некуда, придется иметь с ней дело.

– Пойдемте знакомиться с вашей женой, – решительно произнесла она.

Они вышли в холл, и только тут Настя заметила лестницу на второй этаж.

– На первом этаже у нас апартаменты для гостей, на втором – мои и Тамары, – пояснял Андрей Сергеевич, энергичным шагом поднимаясь по ступенькам.

– Вы с женой живете не вместе? – уточнила на всякий случай Настя.

– Мы пока не женаты. Я считаю Тамару своей женой, а она меня своим мужем назвать не спешит. Но я надеюсь, это ненадолго.

Он толкнул одну из дверей на втором этаже, и тут же навстречу им выбежала маленького роста, худенькая женщина лет шестидесяти пяти с короткой стрижкой и в каком-то невероятно экстравагантном наряде. Бегорский обнял ее и поцеловал.

– Знакомьтесь, это Тамара Николаевна Виноградова, моя почти жена, а это Анастасия Павловна Каменская.

– Как бы социолог, – уточнила Тамара, с улыбкой глядя на Настю.

– Ну да, вроде того, – растерянно пробормотала Настя.

Сказать, что она была шокирована, – это не сказать ничего. Она была в ошелощении. Надо же, сколько всего она уже придумала про четвертую жену Бегорского, а выяснилось, что попала пальцем в небо. Нет, прав был Виктор Алексеевич Гордеев, ее бывший начальник, нет у нее чутя. Нет и никогда не было.

Она придумала себе молодую красавицу со всеми прилагающимися к модельной внешности прелестями, а перед ней стояла обыкновенная женщина, ровесница Бегорского, с некрасивым лицом, длинным носом, тонкими губами, седыми волосами. Женщина необыкновенно привлекательная своей открытой улыбкой и задорным блеском глаз, стильной стрижкой и пла-

тьем, не похожим ни на один висящий в витринах магазинов наряд. При всей своей обыкновенности Тамара Николаевна была совершенно необыкновенной.

– Всё, Тамара, передаю тебе Анастасию Павловну, веди ее в клуб, все показывай, отвечай на вопросы, если что нужно – я буду в кабинете.

С этими словами Андрей Сергеевич еще раз поцеловал Тамару и легко сбежал вниз по лестнице.

Тамара прислушалась к удаляющимся шагам и лукаво улыбнулась:

– Есть хотите, Анастасия? Ничего, что без отчества? Вы ведь моложе меня.

– Конечно.

– И вы ко мне обращайтесь как-нибудь попроще. Так как насчет выпить чайку с пирожными? Я примерно представляю себе, чем Андрей вас кормил в дороге. Можете не волноваться, вас здесь будут кормить нормально, но только когда Андрей уедет. Пока он здесь, вам придется кушать то, что он скажет. Но вы не волнуйтесь, у меня вы всегда сможете перекусить нормальной едой.

Настя с облегчением рассмеялась. Кажется, эта Тамара – хорошая тетка.

– А вы не придерживаетесь системы питания Андрея Сергеевича?

– Кто? Я? Да боже упаси! Еще не хватало, чтобы я шла у него на поводу. Я всегда жила так, как считала нужным, ни под кого не подлаживалась.

Настя благодарно улыбнулась.

– Спасибо, Тамара, я учту, что вы можете меня спасти от голодной смерти. Но если вы не возражаете, я бы хотела осмотреть усадьбу, а потом мы с вами попили бы чайку и поговорили. Вопросы всегда легче формулировать, когда представляешь себе место, в котором придется искать преступника.

– Хорошо. Одну минуту, я только оденусь.

Тамара накинула короткий меховой жакет, сунула ноги в высокие сапоги на плоской подошве, и они вышли из флигеля.

– А что находится в другом флигеле? – спросила Настя.

– Тоже апартаменты, но попроще, для сотрудников, которые постоянно проживают в усадьбе, – объяснила Тамара.

– И такие есть? – удивилась Настя. – То есть клуб предоставляет им жилье?

– Именно. Не совсем бесплатно, конечно, но сумма оплаты мизерная, им вполне по карману. В любом случае это на порядок дешевле, чем снимать жилье в городе, и от работы близко.

– И много человек там живет сейчас?

– Сейчас – двое. А вообще-то флигель рассчитан на восемь человек.

Значит, два человека из персонала постоянно находятся в усадьбе. Может быть, начать с них? В конце концов, надо же с чего-то начинать.

– И кто именно? – спросила Настя.

– Наш компьютерный гений Костя Еремеев и наш мастер на все руки Валерий Васильевич Полосухин.

– Почему у них нет собственного жилья в городе? Они приезжие?

– Да. У каждого из них своя драма. У Кости прямо на глазах машина сбила насмерть жену и дочку, и он решил уехать подальше от того места, а тут узнал про наш клуб и про то, что мы предоставляем жилье, и приехал наниматься. Сказал, что специально выбрал место, где минимальное количество молодых женщин и совсем нет детей, не хочет, чтобы хоть что-то напоминало ему о трагедии.

– Понятно, – кивнула Настя. – А Полосухин?

– Они вместе с женой эмигрировали в Германию, прожили там несколько лет, потом жена умерла, и он вернулся. А жилья нет, они перед отъездом квартиру продали. Вот приткнулся к нам, помогает всем, кому может, хоть починить, хоть сделать заново. Руки у него хорошие, он

– главный помощник нашего завхоза Сани. Ну и еще одно дело делает: возглавляет общество любителей вышивки.

– Да вы что? Правда?

– Честное слово. Он очень хорошо вышивает и любит этим заниматься. Собрал вокруг себя таких же любителей, и они вышивают целые картины и панно, которыми мы украшаем стены в усадьбе. Вполне в стиле эпохи, – улыбнулась Тамара. – Вот мы и пришли. Входите, Анастасия.

Они вошли в просторный холл, справа Настя увидела гардероб и стойку администратора, за которой стояла приятная дама явно пенсионного возраста и разговаривала по телефону.

– Это наш администратор, – негромко сообщила Тамара. – К ней можно обратиться за любой справкой, записаться на курсы или на прием к врачу, через нее можно найти любого сотрудника или члена клуба.

– Знаете, – удивленно протянула Настя, – я как-то привыкла, что на такую работу берут молодых привлекательных девушек.

– Это ноу-хау Андрея. Он вполне справедливо рассудил, что пожилые люди зачастую стесняются общаться с молодежью, им кажется, что они уже старые, глухие, слепые, беспомощные, бестолковые. Пожилому человеку куда легче обратиться с просьбой или с вопросом к кому-то поближе возрастом, чем к молодой симпатичной девчонке или к парню с длинными волосами и с блютусом в ухе. Весь персонал по возможности соответствует этому критерию. Преподавателей Андрей нанимает только возрастных, никакой молодежи. И компьютерщики, постоянно дежурящие в компьютерных классах и в зале, тоже не пацаны.

– А ваш компьютерный гений? Кажется, Костя?

– Он – одно из редких исключений, но и он не мальчик, ему хорошо за тридцать. Идемте вот сюда. – Тамара повела Настю налево в широко открытую дверь. – Здесь у нас гостиная. Мы ее называем «зеленой гостиной».

«И вправду зеленая, – подумала Настя, оглядываясь и рассматривая обои, шторы, ковры и обивку многочисленных кресел и диванчиков, представляющих собой всю гамму бирюзовых и малахитовых тонов, разбавленных несколькими оттенками кремового. – Действительно, красиво. Я бы здесь сидела часами, болтала, если бы было с кем, или читала. Здесь уютно и спокойно».

На стенах висели картины в резных багетах, а в креслах вокруг столиков сидели две группы гостей и что-то обсуждали. Обстановка показалась Насте вполне мирной и даже идиллической. Трудно представить себе, что эти люди поверили в «желтую» статью про маньяка и теперь боятся находиться в клубе. Никаких признаков беспокойства и страха Настя на их лицах не заметила.

Они снова вышли в холл, который теперь Настя оглядела более внимательно. Впереди виднелась широкая лестница на второй этаж, вдоль стен – банкетки, стулья и зеркала. Это разумно, подумала она, ведь основной контингент – люди пожилые, нужно, чтобы всегда нашлось место, где можно присесть. Тамара повела ее по уходящему влево коридору.

– Вот здесь у нас кафе, в нем можно и плотно покушать, и просто выпить чаю с чем-нибудь вкусненьким. Меню рассчитано на разные карманы, ведь сюда приходят и совсем малообеспеченные гости, и нужно, чтобы они не чувствовали себя обделенными. Есть совсем простенькие десерты, и можно попить чайку с десертом буквально за копейки. А можно и роскошный обед закатить. Впрочем, – Тамара усмехнулась, – вы сами это прочувствуете за ужином. Но ничего, не забывайте: когда Андрей не видит, вы всегда можете расслабиться.

По другую сторону от «зеленой» гостиной и кафе располагались помещение под названием «музыкальный салон» и костюмерная. В «музыкальном салоне», оборудованном как небольшой концертный зал с невысокой сценой, проходили тематические вечера, коллектив-

ные просмотры фильмов с последующим обсуждением, а также давались спектакли клубного самодеятельного театра. Предназначение костюмерной было и так понятно.

– С левым крылом мы разобрались, – сказала Тамара, снова ведя Настю в холл. – Теперь пойдемте направо.

С одной стороны коридора располагались два компьютерных класса и зал интернет-кафе, с другой – библиотека, комната любителей вышивания, парикмахерский салон Тамары и кабинет, где по два раза в неделю проводили консультации врач-психотерапевт, врач-геронтолог и терапевт. Ради любопытства Настя попросила разрешения заглянуть в один из классов и увидела на стенах выполненные крупным шрифтом схемы компьютерных страниц.

– Андрей специально заказывал разработчикам эти схемы, – с гордостью пояснила Тамара. – И вообще, весь процесс обучения разработан по заказу Андрея с учетом особенностей наших учеников.

Закончив с первым этажом, они поднялись по лестнице на второй. Здесь была сохранена та же идея разделения на левое и правое крыло. Слева от лестницы – приемная, из которой можно попасть в кабинет Бегорского и в кабинет Веры Алексеевны, его первой жены, которая заведовала в клубе кадрами и бухгалтерией. Напротив – шесть кабинетов сотрудников и преподавателей. Справа – семь гостиничных номеров и помещение горничных.

– В этих номерах сейчас кто-нибудь живет? – спросила Настя, всматриваясь в длинный, через весь этаж коридор и представляя себе, как будет в этих бесконечных помещениях выискивать таинственного маньяка.

– Три человека. Дама-профессор из областного центра, она уже двадцать лет на пенсии и процесс компьютеризации в своем институте не застала, и еще два старых друга, очаровательные старички. У одного из них сын – предприниматель, он оплатил проживание и для своего отца, и для его товарища. Гостиница у нас не бесплатная, но тоже не очень дорогая. Андрей предпочитает за многое платить сам, только бы его клуб процветал. Ну, теперь я покажу вам нашу гордость – зимний сад.

Они снова вернулись на первый этаж и прошли через холл к противоположной от входной двери стороне. За стеклянной двустворчатой дверью оказался широкий полукруглый выступ, превращенный в зимний сад. Уже стемнело, но Насте удалось разглядеть сложенную из больших каменных плит и окруженную мощными вековыми деревьями лестницу, пологими ступами спускающуюся в парк.

– Летом здесь очень красиво, – сказала Тамара, – и липы так цветут! В парке у нас часовня, старинная ротонда, оранжерея и приют для бездомных животных. И еще гараж. Это все вы увидите завтра, когда выйдете прогуляться. Сейчас уже темно. Да вы и устали, наверное, Андрей ведь вас поднял ни свет ни заря, знаю я его манеру выезжать в шесть утра.

– В семь, – поправила Настя.

– Это вас он забрал в семь, а из своего дома выехал в шесть. Ранняя птичка. Ой, – она спохватилась и посмотрела на часы, – уже десять минут седьмого, долго я вас мучаю своей экскурсией. В шесть часов Андрей велел приходить на ужин.

– Куда приходить? – испугалась Настя.

Мысль о «правильной» еде отчего-то повергла ее в ужас, хотя воспоминания об обеде были вполне приятными.

– В кафе. Будете есть рыбу с вареными овощами.

И Тамара звонко расхохоталась.

– А вы? Разве вы не будете есть рыбу?

– Кто? Я? Да ни за что на свете! Андрей знает, что со мной воевать бесполезно. Я все равно буду жить так, как привыкла. А вот с вами он еще попытается повоевать и перевербовать в свои ряды. Впрочем, он вчера мне сказал по телефону, что вы ухитрились ему отказать в чем-то. Было?

– Я не помню, – смутилась Настя. – Он что-то такое говорил, но я не обратила внимания.

– Продолжайте в том же духе, – посоветовала Тамара, ведя ее в сторону кафе. – Не уступайте ему, не позволяйте собой помыкать. Ничего с вами не случится, он вас не убьет. Побушует немножко и смирится, это я вам по собственному опыту говорю. С ним на самом деле очень легко справиться, просто до меня никто не пробовал.

Тамара оказалась права: Насте и Бегорскому подали паровую рыбу с отварной капустой брокколи, которую Настя терпеть не могла. Ее тошнило от одного только вида ярко-зеленых соцветий. Она уныло поковыряла безвкусную, как ей показалось, рыбу, съела одну треть куска и на вопрос Бегорского соврала, что не голодна. Тот укоризненно покачал головой, но промолчал, а сидящая напротив Насти Тамара улыбнулась и подмигнула ей, дескать, помни, я тебя всегда выручу чаем с пирожным.

Мысль о чае с пирожными показалась весьма привлекательной, и после ужина Настя уже собралась было обратиться к Тамаре с просьбой посидеть вместе и поговорить за десертом, но вдруг почувствовала, что смертельно устала. Она не может ни о чем разговаривать, не может формулировать вопросы, касающиеся двух убитых женщин, ей нужно переварить и обдумать все то, что сказал ей за восемь часов, проведенных в машине, Бегорский, ей нужно мысленно закрепить в памяти план усадьбы со всеми ее помещениями, ей нужно составить хотя бы приблизительную программу сбора информации. Завтра с утра ей предстоит встреча с начальником городского отдела внутренних дел, потом с его заместителем по криминальной милиции, потом с начальником розыска, потом с оперативниками, которые вели дела об убийствах женщин, посещавших клуб «Золотой век». И все это требует ясной и отдохнувшей головы.

Она хотела есть, кусочка вареной рыбы оказалось явно недостаточно, но еще больше Настя Каменская хотела принять душ и лечь в постель. И помолчать. И хорошо бы еще вещи разложить, она как бросила сумку в своих апартаментах, так и забыла о ней. И еще нужно позвонить Стасову, доложить. И Лешке позвонить, он тоже волнуется, как там проходит ее первая командировка на новой работе.

«Я стала совсем старой, – с грустью подумала она. – Еще только половина восьмого, а я уже полумертвая. Конечно, я встала в пять утра, но когда такое было, чтобы к восьми вечера я хотела лечь спать? Раньше я могла сутками не спать и работать, а теперь... Зря я пошла к Стасову, не будет от меня никакого толку, я состарилась и гожусь только для того, чтобы тихо сидеть дома и никому не мешать».

Глава 3

Выйдя из салона «Релакс», Илья Вторушин подошел к своей машине, завел двигатель и позвонил бабушке. Он точно знал, что она его ждет, но все равно позвонил. Он так привык. Во всем должен быть порядок: едешь в дом – позвони, предупреди хозяев, даже если это дом, в котором ты родился и вырос, и даже если хозяйка – твоя родная, горячо любимая бабушка, единственная родная душа, оставшаяся у Ильи после смерти родителей.

Дорогу к дому бабушки Илья выбрал, как обычно, подлиннее, ему хотелось, чтобы дух салона «Релакс» окончательно выветрился из его одежды и даже из тела. Услугами салона он пользовался регулярно, раз в неделю, когда приезжал из Томилина к бабушке в Костровск, хозяйка салона Татьяна давно его знала и считала постоянным и одним из любимых клиентов – Вторушин выбирал одних и тех же девушек, был предсказуем, спокоен, никогда не являлся пьяным, не устраивал скандалов и безобразных сцен, платил строго по счету, оставляя девушкам вполне приличные чаевые, не требовал никаких изысков и не наносил увечий. Одним словом, был идеальным клиентом, о каком только можно мечтать. И бабушка Римма Петровна знала о том, что внук посещает «Релакс», у Ильи не было от нее тайн, хотя сама Римма Петровна предпочла бы, чтобы мальчик наконец женился, обзавелся семьей и жил, как все люди. Из этих соображений она даже отказывалась переехать из Костровска в Томилин и жить с внуком, на чем Илья давно уже настаивал.

– Мне беспокойно, когда ты так далеко, – говорил он, – для меня было бы лучше, если бы мы жили вместе. Ты не хочешь переезжать в Томилин – ладно, я готов перевестись на службу в Костровск, но ты ведь и этого не хочешь.

– Не хочу, – улыбалась в ответ Римма Петровна, – мы не должны жить вместе, это мешает тебе вести нормальную личную жизнь.

Но с «нормальной личной жизнью» у Ильи Вторушина никак не складывалось, женщин он боялся почти панически, строить отношения с ними не умел, не знал, как подойти, как заговорить, как повернуть разговор в нужное русло, не говоря уже о том, как сделать так, чтобы его не отбрили при первом же поползновении к телесному контакту. Был Илья слишком громоздким, полным, отечным – в мать и бабушку, – неуклюжим и искренне считал себя совершенно непривлекательным и не могущим рассчитывать на доброе отношение со стороны молодых женщин. У него, конечно же, за тридцать два года жизни случались романы, но все они заканчивались тем, что его бросали, и это еще больше подкрепляло его уверенность в собственной непригодности к этой самой «нормальной личной жизни», о которой так мечтала Римма Петровна.

Римма Петровна, такая же полная и грузная, как ее внук, ждала Илью к ужину. Она с удовольствием готовила и всегда старалась побаловать внука обильной вкусной едой, такой, какую он сам себе не приготовит и ни в каком общепите не попробует.

– У Татьяны был? – спросила она вполне доброжелательно, не допуская ни единой нотки осуждения.

Илья молча кивнул в ответ.

– Ну, как она? Убийство матери так и не раскрыли?

Хозяйка салона «Релакс» Татьяна Корягина была дочерью той самой Галины Ильиничны Корягиной, труп которой с разбитым зеркалом на груди и с вырванной из уха серьгой был найден в марте прошлого года в Томилине, о чем бабушка Ильи Вторушина была, конечно же, осведомлена. Сам массажный салон «Релакс» на деле был обыкновенным борделем, правда, очень и очень приличным и недешевым, а его владелица, в прошлом проститутка, – «мамкой», но это обстоятельство отнюдь не мешало добросердечной Римме Петровне сочувствовать Татьяне по поводу трагической гибели ее матери. Сказать, что Татьяна Корягина очень уж

переживала, было никак нельзя, к смерти Галины Ильиничны она отнеслась более чем равнодушно, во всяком случае, так казалось любому стороннему наблюдателю. Она не рвала на себе волосы, не билась в истерике, не плакала и не посещала кладбище в Томилине, ограничившись лишь присутствием на похоронах.

После ужина занялись фотографиями. Римма Петровна достала пухлый конверт с отпечатанными в фотоателье снимками, сделанными во время их последней поездки: перед самым Новым годом они с Ильей ездили на три дня в Амстердам, гуляли вдоль каналов и наслаждались в музее полотнами великих голландцев. Несмотря на комплекцию, возраст и многочисленные болезни, Римма Петровна была заядлой путешественницей, ей хотелось посмотреть и египетские пирамиды, и Вестминстерское аббатство, прогуляться по Елисейским Полям, прийтронуться к камням Колизея, увидеть знаменитую Ронду и посидеть на лавочке в парке Гуэль, и Илья готов был возить свою любимую бабулю всюду, куда ей хотелось. Он никогда не отпускал ее одну, сопровождал на каждой экскурсии, а если поездка оказывалась трудной – брал напрокат машину: у Риммы Петровны были больные ноги. Еще в те времена, когда денег у Ильи было совсем мало, они ездили в самые дешевые туры, на автобусах, и он сидел рядом с бабушкой, ни на минуту не испытывая раздражения или неудовольствия. Красоты и достопримечательности его совсем не интересовали, путешествовать он не любил, но сама мысль о том, что бабушке это нравится, что она получает удовольствие и радуется, делала его счастливым.

Они принялись раскладывать фотографии на большом столе и группировать их тематически, затем из каждой группы выбирали самые удачные снимки и вставляли в альбом, формулировали надписи, сверяясь с блокнотом, в который Илья заносил пояснения экскурсоводов, чтобы потом ничего не забыть и не перепутать, потом Илья четким красивым почерком, почти печатными буквами вписывал в альбом рядом с фотографией дату, место и комментарии. На каждое путешествие они заводили отдельный альбом, и не беда, если в нем оставались пустые страницы, зато в фотографиях всегда царил идеальный порядок, и легко можно было найти при необходимости любой снимок. Но, надо заметить, пустые листы в альбомах оставались редко: они действительно очень много фотографировали, стараясь запечатлеть каждую деталь, каждую мелочь, передать каждое впечатление. Глядя на Римму Петровну, склонившуюся над разложенными на столе снимками, Вторушин с нежностью думал о том, как ему повезло, что у него есть такая замечательная бабушка – самая лучшая женщина на свете, и если бы ему довелось встретить такую женщину, он бы непременно на ней женился.

– Илюшенька, тебе пора собираться. – Римма Петровна посмотрела на часы и направилась в сторону кухни. – Я тут ничего трогать не буду, приедешь в следующий раз – и мы вместе доделаем альбом. Одевайся, а я пока соберу тебе покушать, чтобы ты утром позавтракал.

Уезжать Илье не хотелось, он любил бывать в этом доме, любил ночевать здесь, среди мебели и предметов, окружавших его в раннем детстве. И вообще, он любил бабушку и старался проводить рядом с ней как можно больше времени. Он представил себе заснеженную дорогу из Костровска в Томилин, шестьдесят километров одиночества, темноты, стоящих вдоль обочины деревянных убогих домишек и голых деревьев, свою холостяцкую квартиру, стерильно чистую, педантично прибранную и уныло пустую, и невольно поежился. Здесь так хорошо, тепло, уютно, фотографии на столе напоминают о недавней поездке и о том счастье, которое он всегда испытывал, видя горящие от возбуждения и восторга глаза Риммы Петровны, и бабушкин мягкий голос журчит, внося в его душу успокоение.

– Я останусь, – сказал он, заполняя очередную страницу альбома, – поеду завтра с утра.

– Ты не выспишься, – мягко заметила Римма Петровна, подходя к нему поближе. – У тебя тяжелая работа, тебе нужно как следует выспаться.

– Рядом с тобой я сплю лучше.

– Рядом со мной ты спишь мало, – засмеялась она. – Мы же с тобой как маньяки, все разговариваем, разговариваем, не можем остановиться. Если ты останешься, мы опять проболтаем часов до двух, а то и до трех, я же знаю. А тебе нужно отдыхать.

Илья взял ее за руку, поднес мягкую, пухлую, покрытую пигментными пятнами кисть к своей щеке, прижался губами к пальцам.

– Римуля, я тебя обожаю. Мне так хорошо здесь, я душой отдыхаю. Я останусь, а утром ты меня накормишь вкусным горячим завтраком, и я поеду на работу совершенно счастливым.

Тут Вторушин несколько покривил душой. Завтра он ни при каких обстоятельствах не поедет на работу в хорошем расположении духа. Вчера начальник уголовного розыска предупредил его и Диму Федулова, что из Москвы приезжает какая-то фифа, которая собирается учить их, как надо раскрывать преступления. И ладно еще, если бы она была мужиком, знающим и опытным опером из министерства, который помог бы им в деле о двух таинственных трупах, но ведь это не мужик, а баба, и вовсе не из министерства, а вообще из частного агентства. Можно себе представить! Что эта баба будет здесь делать? Совать нос во все подряд? Давать «дельные», с позволения сказать, советы? Нарядами сверкать? У нее небось одни только часы, как три автомобиля, стоят. Будет разговаривать с ними сквозь зубы, глядеть свысока и нести такую ахинею, что уши завянут.

Конечно, два трупа в тихом Томилине – это серьезно, тем более что убийца до сих пор не найден. Но баба – частный детектив – это уж слишком. Неужели нельзя было без нее обойтись? Начальник розыска сказал, что получил команду от заместителя начальника ГОВД по криминальной милиции, а тот, в свою очередь, от Самого, то есть от начальника. Кто уж там надавил на Самого – неведомо, но, вероятно, надавили сильно, потому что подпускать частных гражданских лиц к расследованию и тем более к оперативной работе и не принято, и нельзя. Да и что эти гражданские лица могут расследовать, если между томилинскими оперативниками и следователем и то согласия нет по поводу версий, каждый в свою дуду дует и на себя одеяло перетягивает. Димка Федулов, например, на сто процентов уверен, что поработал маньяк, псих ненормальный, для которого убить пожилую даму – верх удовольствия. А Илья с ним не согласен, он отстаивал совсем другую версию и до сих пор продолжает ее придерживаться. Илья считает, что Корягину убили те, кто пытается выдать владельцев усадьбы из города, развалить их клуб и перекупить отреставрированное строение за бесценок, а Аиду Борисовну Павлову приговорили за какое-нибудь дело, которое она вела, когда работала следователем прокуратуры. А в том, что оба дела похожи, как близнецы-братья, никакой загадки нет: Корягину убили специально таким устрашающим манером, чтобы посеять панику среди членов клуба и жителей города в целом, отвратить народ от усадьбы, а тот, кто запланировал убить Павлову, не знал, что никакого маньяка нет и убийство Корягиной – обычная инсценировка, и скопировал манеру совершения преступления, чтобы замаскировать собственные личные мотивы и дать оперативникам возможность списать и второе убийство на того же маньяка. Вот как все просто. С этой идеей Илья Вторушин выступал постоянно, но Дима Федулов его не слушал, стоял на своем: маньяк – и все тут. А мысль о маньяке Илье не нравилась. Ну просто совсем не нравилась. Напрочь. Хотя и тут были свои сложности. Дело в том, что городское милицееское руководство маньяк тоже не сильно устраивал, ведь это же кошмар какой-то: по городу ходит сумасшедший, убивает пенсионерок, кладет им на грудь разбитое зеркало, вырывает сережку из уха, а милиция ничего не может сделать, демонстрируя свою полную беспомощность и не предпринимая никаких усилий для того, чтобы погасить тревожные разговоры и панические настроения среди населения. Маньяк – это серьезно, а непойманный маньяк – это повод для неутешительных оргвыводов. Поэтому руководство уголовного розыска и криминальной милиции в целом соглашалось с доводами Ильи Вторушина, но именно поэтому и несильно давило на подчиненных по поводу нераскрытых преступлений, особенно это касалось первого убийства, жертвой которого стала Галина Ильинична Корягина. Расклад был очевиден и ни для

кого не составлял секрета. Если Корягину действительно убили те, кто нацелился на усадьбу, то очень не хочется с ними связываться, потому как они – лица, приближенные к мэру и администрации города Томила, и кто знает, каким боком выйдет милицееское рвение по поиску виновного. А то, что выйдет именно боком, ни у кого сомнений не вызвало. Пока можно списывать все на маньяка, милицееское начальство в относительной безопасности. Хотя со стороны областного руководства, а, не приведи господь, еще и из министерства в любой момент могут начать поступать недоуменные вопросы, дескать, что-то у вас, господа хорошие, неладно в вашей консерватории, если вы маньяка как-то вяло ищите или даже не ищите вовсе. Но пока верхнее милицееское руководство не спохватилось, можно чувствовать себя более или менее спокойно. Эдакий хрупкий баланс между интересами криминальной группировки, связанной с мэром, и интересами собственно службы.

Вторушин радовался, что начальство разделяет его точку зрения и не ищет маньяка. Раздражало, однако, что старший опер майор Федулов такого же мнения не придерживается и нет-нет да и примеряет какого-нибудь попавшегося на глаза психопата к двум нераскрытым убийствам. Ужасно злило это капитана Вторушина.

А теперь вот еще дамочка столичная припожаловать собирается. Димка, конечно, тут же кинется ее обрабатывать и на свою сторону перетягивать, у него получится, от него бабы млеют, хоть он и не красавец, но, видно, есть в нем что-то такое, да в избытке. А вот от Ильи женщины не млеют, они его вообще не замечают, считают пустым местом, и ему приходится прилагать гигантские усилия, чтобы на него хотя бы обратили внимание, не говоря уж о том, чтобы принимать его всерьез. А ему обязательно нужно, чтобы его с его версией приняли всерьез. Обязательно. Он должен постараться.

* * *

После допущенных накануне излишеств голова у Федулова была тяжелой и гулкой, очень хотелось спать и очень не хотелось работать, но он все равно поднялся ни свет ни заря, надел толстый свитер поверх шерстяной футболки с длинными рукавами и вышел из дома, чтобы расчистить от нападавшего за ночь обильного снега дорожки от крыльца коттеджа к воротам и к навесу, под которым стояла его машина. Все, что касалось дома и участка, он готов был делать сутки напролет и в любом состоянии, с похмелья ли, с высокой ли температурой.

Этот дом был пределом Диминых мечтаний – деревянный, похожий на чайный домик, малиново-красный, украшенный яично-желтой резьбой, с ярко-синей пластиковой черепичной крышей, а на башенке красуется петушок, тоже яично-желтый. Краску Федулов выбирал сам: когда он купил коттедж, тот был просто деревянным, натурального теплого бежевого цвета, но Дмитрий хотел именно темно-красный дом, и резьбу он хотел, и чтобы непременно ярко-желтую. И петушка на крыше. Резьбу он заказывал в соседней деревне у местного умельца, который взял за работу совсем не дорого, всего несколько бутылок водки. Теперь дом казался Федулову совершенством, он обожал его и старался как можно чаще приглашать гостей, словно компенсируя долгие годы жизни в тесноте, когда не то что гостей пригласить было некуда – самому хорошо бы найти, куда приткнуться.

В новый дом он перевез не только двоих дочек и беременную сыном жену, но и родителей, а в старой «двушке» осталась младшая сестра с мужем и ребенком. Вместе с матерью, энергичной и неутомимой Зоей Михайловной, бывшей медсестрой, Дима обустроил не только дом, но и участок вокруг него, посадил декоративные кустарники, разбил клумбы, разметил дорожки, замостил их недорогой, но очень симпатичной плиткой, построил навес для машины. Участок-то не бог весть какой большой, всего шестнадцать соток, но Федулову хотелось, чтобы он выглядел таким же сказочно нарядным, как и дом. И дом, и участок поддерживались в порядке исключительно усилиями Дмитрия и Зои Михайловны, потому что жене Светлане не до того,

она целиком погружена в детей – десятилетнюю Ксюшу, семилетнюю Вареньку и трехлетнего Ванюшку, родившегося через три недели после переезда из квартиры в коттедж, а об отце, Вадиме Александровиче, и говорить нечего, он в свои семьдесят три года уже совсем больной, слабенький, боится гулять один, даже из дому выходит редко, если никого нет рядом. У него типичная фобия сердечника – страх внезапного приступа, и вообще Вадим Александрович вбил себе в голову, что у него болезней куда больше, чем есть на самом деле, и ему уже ничего нельзя: ни ходить, ни носить, ни с внуком повозиться, ни даже уроки с внучками делать. Сидит целыми днями перед телевизором или читает газеты, которые Дима ему привозит с работы каждый день, что уж говорить о помощи по дому. Но Дима не в претензии, они и вдвоем с матерью отлично справляются, да и в радость им заботы и хлопоты о собственном доме.

Нынешняя зима оказалась на редкость холодной и снежной, но он с удовольствием работал, оставляя по обе стороны дорожек аккуратные сугробики, из-под которых торчали голые трогательные веточки молодого кустарника, и наслаждаясь звуком вгрызающейся в снег лопаты. Это напоминало детство, когда зимы были не такими теплыми, как в последние годы, и он просыпался по утрам не от звонка будильника, а именно от таких вот доносящихся с улицы звуков, издаваемых сгребаящими снег дворниками.

Он закончил чистить дорожки и вернулся в дом, чтобы покормить собак. Дик и Джерри сладко спали в холле перед дверью в спальню родителей, они выбрали себе это место сами и менять на подстилку у входной двери, положенную Федуловым, не собирались. Дмитрий взял их в прошлом году щенками, их кто-то подобрал на улице и принес в приют для бездомных животных, устроенный в клубе «Золотой век». Беспородные, бездомные, голодные и грязные, они были такими жалкими, что сердце Федулова дрогнуло. Он забрал обоих. Это было как раз тогда, когда убили Корягину, и он приходил в усадьбу, чтобы опросить людей, близко знавших убитую. Тогда ему и показали приют, где он увидел двух прижавшихся друг к другу найденшей. Конечно, к тому моменту их уже отмыли, накормили и вывели глистов, но когда какая-то энтузиастка из числа членов клуба показала ему фотографии щенков, сделанные в тот день, когда их привезли, Дмитрий не выдержал. Несмотря на тяжелое детство и всяческие лишения и невзгоды, а может быть, как раз благодаря им, Дик и Джерри ненавидели холод и боялись недостатка сна, они любили поспать подольше, а вот бегать по глубокому снегу, да еще в пятнадцатиградусный мороз, не любили совсем.

– Рота, подъем, – шепотом, чтобы никого не разбудить, скомандовал Федулов, запуская правую руку в шерсть на холке Дика, а левой легонько шлепнув по спине Джерри. – Команда питаться.

Собаки зевнули и лениво поднялись. И почти сразу же открылась дверь в спальню родителей и в холл вышла Зоя Михайловна, полностью одетая и причесанная. Судя по всему, вожак стаи псы выбрали почему-то именно ее, а вовсе не спасшего их из приюта Федулова, потому что морды их немедленно оживились, хвосты завиляли, глаза заблестели. Зоя Михайловна направилась в кухню, Дик и Джерри радостно потрусили за ней, а замыкал процессию Федулов.

– Митя, иди прими душ, ты весь потный, – велела Зоя Михайловна. – Вернешься – и завтрак будет готов.

– А... – начал было он, но мать перебила его:

– Твоих драгоценных псов я как-нибудь сама покормлю, не беспокойся. И девочек поднимай, пора уже, а то в школу опоздают.

Дмитрий послушно направился сначала в комнату к дочерям, потерся носом об их теплые, пахнущие детством шейки, добился, чтобы они встали, потом долго и с удовольствием принимал горячий душ, перемежая его с холодным обливанием, и брился. К тому моменту, когда он вернулся в просторную кухню, девочки уже сидели за столом и с аппетитом наворачивали запеканку с вареньем и молочную рисовую кашу.

– Пап, купи мне новый мобильник, – попросила десятилетняя Ксюша.

– У тебя же есть, – удивился Федулов. – Я сам тебе отдал свой телефон, хороший, со всеми наворотами, как раз к первому сентября. Неужели сломался?

– Да ну, – девочка презрительно наморщила носик, – твоя мобилка – полный отстой. Я хочу розовый, с камушками, как у Натки Кузовлевой. Он такой прикольный, такой модненький! И сумочку к нему, такую красивенькую, с сердечками, на ремешке, чтобы на шее носить. Ну купи-и, ну пожалуйста-а-а!

– Перебьешься, – строго ответил Федулов, отодвигая в сторону пустую чашку и вставая из-за стола. – Мала еще за модой гнаться.

Ксюша насупилась, губы задрожали, но Дмитрия это не испугало и не тронуло. Он умел считать деньги и хорошо знал, каким трудом они достаются. Лишнюю копейку ни за что не истратит, лучше лишит себя нужного, чем приобретет то, без чего можно обойтись.

Мать вышла следом за ним и молча смотрела, как сын одевается.

– Митя, купил бы ты ей телефон, – проговорила она, когда Федулов уже взялся за ручку двери. – Ну что тебе, жалко?

– Если бы на дело надо было – никаких денег не жалко, а вот так, на блажь, я деньги выбрасывать не стану, – отрезал он.

– Господи, – вздохнула Зоя Михайловна, – ну в кого ж ты такой жлоб, а? Ведь ребенок же, для нее новый мобильник – это такая радость! Ей ведь не хочется быть хуже других, она от этого страдает. Ты же знаешь, какие теперь дети: если у тебя не новое и не модное, то с тобой и водиться не будут. С твоим жлобством она всех подружек растеряет. Что тебе стоит порадовать девочку? Ты отец или кто?

– Я – мент и живу на зарплату, а она не резиновая. Нечего девку баловать, пусть знает свое место в этой жизни, пусть с малолетства привыкает к мысли, что деньги с неба не падают, их надо зарабатывать.

– Ну да, конечно, – мать сухо поджала губы, – телефон ты ей купить отказываешься, а на водку-то тебе денег не жалко. Сколько ты вчера выпил со своими друзьями? А в прошлое воскресенье? А в позапрошлом? Как выходной – так в баню, а у вас там складчина, бесплатно тебе никто не наливает. На эти безобразия тебе, стало быть, тратить не жалко.

– Мать, не дави на мозг, у меня работа тяжелая, – отмахнулся Федулов. – Мне нужно хоть как-то расслабляться, а то я на людей кидаться начну.

Он вышел из дома, сел в машину и поехал на работу. Настроение, ставшее таким радужным, когда на свежем морозном воздухе начали проходить симптомы тяжелого похмелья и голова прекратила болеть и начала проясняться, испортилось. Еще и баба эта из Москвы, о которой накануне предупредил начальник... Вот же напасть! С другой стороны, спасибо, что она не из министерства, полномочий проверять их работу у нее нет, а если откроет пасть и посмеет что-нибудь вякнуть, то он, майор Федулов, быстро эту самую пасть ей прикроет, да так, что баба из Москвы не токмо высказываться – она даже «мяу» сказать не посмеет. Понятное дело, у Бегорского денег – куры не клюют, а клуб-то уже на последнем издыхании, старики бегут от него, как черт от ладана, даже персонал начал увольняться, вот до чего их всех томилинский маньяк напугал. Да и то сказать, сам Федулов из-за этого маньяка в последнее время стал больше пить, беспокойно у него на душе, ведь мать тоже в усадьбе бывает, стрижься ходит к любовнице Бегорского, или кем там она ему приходится. На все эти глупости с компьютерами и самодеятельными театральными постановками у Зои Михайловны, понятное дело, времени нет, да и не интересно ей это, у нее с домом и тремя внуками забот выше головы, но вот выглядеть она привыкла на все сто, следит за собой, даже дома ходит с накрашенными глазами, вот и стрижется у Тамары, говорит, что лучше нее в Томилине парикмахера нет. Может, это и так, но только Дима Федулов предпочел бы, чтобы мама выглядела не так привлекательно, зато не ходила бы в усадьбу эту проклятую. Ведь ей шестьдесят девять, а тут маньяк, убивающий связанных с усадьбой пенсионеров как раз такого возраста. Хорошо Вторушину, у него

бабка в Костровске живет и клуб «Золотой век» не посещает, он может себе позволить забить на маньяка, строить умную физиономию, заглядывать начальству в рот и твердить, что никакого маньяка нет. Ему-то беспокоиться не о ком. А Дмитрий места себе не находит, за мать волнуется. Может, эта, из Москвы, и подскажет чего дельного, посмотрит на ситуацию свежим глазом – да и увидит какую-никакую мелочь, которую они со Вторушиным и со следователем проглядели. Хорошо бы... Выловить бы уже наконец эту гниду психическую – и гора с плеч.

* * *

Из кабинета начальника Томилинского городского отдела внутренних дел Настя Каменская вышла совершенно успокоенной. Вчера, уже лежа в постели, она пыталась представить себе, как пройдет эта встреча, что скажет начальник, что ответит она сама, и как ни крути – выходило, что какие бы грубые по сути и холодно-вежливые по форме слова он ни произнес, все равно ничего страшного не случится, небо не разверзнется, пол не провалится, а сама Настя останется при всех даже самых неприятных вариантах жива и здорова. Разговор с начальником ГОВД прошел в точности так, как она придумала, ничего нового и выходящего за рамки здравого смысла она не услышала. Общий пафос сводился к тому, что начальник не в восторге от всей затеи, но поскольку он очень обязан Родиславу Евгеньевичу Романову, то готов пойти ему навстречу и дать команду уголовному розыску ознакомить Каменскую с теми материалами, которые есть у оперативников. Материалы уголовного дела, которые находятся у следователя, ей, разумеется, не покажут, но на словах изложат все, что сочтут возможным. И вообще, у них в Томилине хорошие сыщики, и если уж они с одним убийством провозились без малого год, со вторым – почти полгода и так и не раскрыли, то нет никаких оснований полагать, что придет московская барышня – и сразу все сделается. О том, что «московская барышня» имеет за плечами звание полковника милиции и двадцать семь с половиной лет безупречной службы, начальник как-то очень вовремя не вспомнил. Одним словом, все это бредятина какая-то, но если уж сам Романов попросил – то уж ладно, так и быть. Именно это Настя и ожидала услышать, поэтому обрадовалась и мысленно похвалила себя. Главное – цель достигнута.

Тут же в кабинет к начальнику был вызван его заместитель по криминальной милиции, которому поручили представить Каменскую начальнику уголовного розыска и дать ему соответствующее указание. Каменская плавно переместилась в кабинет заместителя, куда вызвали уже начальника розыска, Настя еще раз выслушала гневную балладу о том, какие у них хорошие оперативники и нет никаких оснований думать, что она сумеет сделать то, чего не сумели они, и, наконец, ее провели по длинному казенному коридору в маленький кабинетик и познакомили с капитаном Вторушиным и майором Федуловым.

Федулов ей понравился сразу, был он плечистым, коренастым, выглядел очень крепким и сильным, с прекрасной мускулатурой и красивым торсом, обтянутым тонкой шерстяной водолазкой. Даже бритая голова не делала его похожим на банального бандюка, напротив, придавала мужественности и брутальности, а глаза, правда, небольшие, чтобы не сказать маленькие, отнюдь не портили грубо вылепленное лицо. Зато улыбка у Федулова оказалась на редкость приятной, и вообще он не выказывал Насте ни малейшего недоверия, не демонстрировал сомнений в ее способностях, напротив, не скрывал надежды на то, что еще одна голова может принести большую пользу, а еще один глаз, бог даст, заметит что-нибудь интересное и важное. Кроме того, он расположил Настю к себе еще и тем, что сразу сказал:

– У меня к этому делу личный интерес, даже двойной. Во-первых, я хорошо знал убитую Павлову, мне посчастливилось несколько раз работать с Аидой Борисовной, и я многому у нее научился, за что ей бесконечно благодарен. Во-вторых, у меня мама, которой шестьдесят девять лет и которая периодически посещает усадьбу. Я не могу спать спокойно, пока знаю, что по улицам нашего города ходит опасный сумасшедший убийца. Так что в поисках маньяка

можете на меня рассчитывать, если что надо – я сделаю, информацию собрать, съездить куда-нибудь, установочку сделать. Дело, правда, приостановлено, но со следователем я всегда договарюсь, так что любой запрос, бумага из суда или еще что – всё сделаем в лучшем виде.

А вот другой оперативник, Илья Вторушин, отчего-то вызвал у Насти неприязнь. Тучный, краснолицый, с большими выпуклыми глазами, бледно-голубыми и какими-то водянистыми, он напоминал ей жабу, а то обстоятельство, что одет он был не в джинсы и водолазку, как Федулов, а в костюм с рубашкой, галстуком и запонками, только усиливало впечатление, словно Вторушин пытался замаскировать свое уродство демонстративно официальной одеждой, вместо того чтобы смириться с собственной непривлекательной внешностью и перестать ее прятать. Правда, Настя не смогла не отметить хорошие густые волосы и красивой формы руки с длинными пальцами и ухоженными ногтями, но и это легло в ее восприятие как лыко в строку: жаба с красивыми руками – это такое же уродство, такое же издевательство над гармонией, как какофония, исполняемая на скрипке Страдивари.

У Вторушина была собственная точка зрения на убийства, противоположная точке зрения Федулова, но зато полностью совпадающая с позицией руководства, о чем майор Федулов не преминул сообщить Насте, даже не пытаясь скрыть презрительную усмешку.

– Капитан у нас еще молодой, – сказал он, пододвигая к Насте пепельницу, – и в силу молодости весьма озабочен карьерным ростом, а посему не смеет иметь мнение, отличное от начальственного. Да, Илюха? Ты на чье место метишь, признавайся? На мое? Или сразу берем выше и замахиваемся на начальника отдела? Ты гляди, не перестарайся, а то с твоим рвением угодить руководству у нас раскрываемость вообще до нуля упадет.

Вторушин же был невозмутим и подчеркнуто вежлив, всеми силами демонстрируя, что не забывает и о Настином звании, которое она носила до недавнего времени, и о ее немалой выслуге.

– Анастасия Павловна, я никогда не скрывал, что считаю версию о маньяке бесперспективной, – спокойно ответил он. – И руководство со мной согласно. Другое дело, что отработка моей версии может обернуться определенными неприятностями для всех нас. Но я все равно продолжаю на ней настаивать.

– Почему? – спросила Настя. – Ведь и вы, и майор Федулов, и следователь располагаете одной и той же информацией, так почему же так вышло, что вы делаете из нее совершенно разные выводы? Или вам известно что-то еще, что вы не рассказали?

– Мне известно все то же, что и другим. Просто я так чувствую.

– О, – встрепенулся Федулов, – слышали? Он так чувствует. У него чутье. У нас у всех тут чутья нет, мы вообще с улицы пришли и в сыском деле не петрим, а он у нас Шерлок Холмс вперемишку со Штирлицем.

– Погодите, – остановила его Настя, – у меня вопрос. Оба убийства схожи во всех деталях?

– Абсолютно, – кивнул Дмитрий. – Никаких сомнений, что это дело рук одного и того же человека.

– Тогда как можно полагать, что второе убийство было имитацией почерка по первому эпизоду? Нужно, чтобы нашелся человек, который знает все детали первого убийства и может их в точности воспроизвести. Откуда он знает эти детали? У вас что, принято информировать общественность в подробностях? То есть вы нарушаете общепринятую практику? Или ему рассказал кто-то из сотрудников милиции?

Вопрос был не праздным. Давно известно, что, как только появляется преступник, совершающий одинаковые по почерку преступления, и об этом становится известно населению, немедленно появляются и подражатели, и те, кто приходит с повинной и берет на себя ответственность за преступления, которых не совершал. Во избежание таких подражателей и мнимых преступников детали совершения преступлений обычно не разглашаются. Как же тому

человеку, который убил Аиду Борисовну Павлову, стали известны детали убийства Галины Ильиничны Корягиной?

– Ничего мы не нарушали, – буркнул Федулов, – после убийства Корягиной в средства массовой информации просочились только сведения о ее возрасте и о том, что она была активным членом «Золотого века». Ни про зеркало, ни про серьгу не говорилось ни слова. Про это написали только после второго убийства. Кстати, вы читали статью?

– Читала, – вздохнула Настя. – Очень интересно, очень страшно, но совершенно неправдоподобно.

– Почему вы так считаете? – горячо возразил Дмитрий. – Я, например, думаю, что это вполне вероятно. Знаете, сколько времени я провел в этом клубе, пытаюсь вычислить потомка рода Румянцевых? Мне кажется, я уже про всех все знаю вплоть до кличек их домашних животных.

– Но ведь, насколько я понимаю, вы так никого и не вычислили, – заметила Настя. – А мой вопрос так и остался без ответа. Илья, объясните мне, как исполнитель второго убийства смог так точно скопировать первое преступление, если информация о деталях не разглашалась?

Вторушин внимательно посмотрел на нее и чуть заметно усмехнулся:

– Вы сами знаете ответ, Анастасия Павловна. Или вы хотите, чтобы я его озвучил?

– Нет, вы только послушайте его! – повысил голос Федулов. – Ты на что намекаешь, Илюха? На то, что маньяк затесался у нас в розыске? Или в следствии? Или в дежурке? Ты вообще соображаешь, что несешь?

Вторушин пожал плечами.

– Ты сам это сказал. Я не считаю, что среди нас есть маньяк. Я считаю, что первое убийство совершено конкретно против Бегорского, а второе – конкретно против Павловой, а у Павловой как у следователя вполне могли быть враги в нашей среде. Почему нет?

– Потому что я не верю, что среди нас...

– А чем мы отличаемся от всех остальных людей? Мы такие же люди, и у нас тоже есть мозги, нервы, психика, и среди нас тоже есть преступники, это ни для кого не секрет. Так почему в других отделах могут быть оборотни, а у нас нет? Чем мы лучше?

– Да ты...

– Так, – твердо сказала Настя, – мне все понятно. Пожалуйста, расскажите мне все, что сможете, про потерпевших.

Оперативники полезли за блокнотами и стали рассказывать.

* * *

Вернувшись в усадьбу, Настя открыла ноутбук и принялась методично заносить в компьютер все, что узнала от Федулова и Вторушина, попутно обдумывая информацию.

Итак, Галина Ильинична Корягина, шестидесяти восьми лет, обнаружена задушенной ее же собственным шерстяным шарфом в проходном дворе по пути из концертного зала домой. Проживала в собственной квартире вместе с некоей Маргаритой Нечаенко, не то приживалкой, не то квартиранткой, которая за жилье не платила, но активно помогала Корягиной по хозяйству. Маргарита собиралась встретить свою хозяйку после концерта, но у нее внезапно разболелся живот и начался понос, она буквально не могла отойти от унитаза. Соседи это подтверждают, девушка обращалась к ним за лекарством, безвылазно сидела в квартире и переживала, что не может выйти и встретить Галину Ильиничну. То есть у Нечаенко твердое алиби. Можно было предположить, что она вступила в сговор с исполнителем убийства и специально симулировала болезнь, чтобы оставить Корягину одну в темное время суток в пустынном проходном дворе, но эта версия была отмечена как несостоятельная. Зачем ей это? Мотива для убийства Корягиной у нее нет и быть не могло: пока жива Галина Ильинична, у девушки есть

крыша над головой, а после ее смерти Рите придется снимать жилье, что существенно скажется на ее доходах, и без того невысоких – она работает приемщицей в химчистке.

Убийство из корыстных побуждений, имея в виду получение наследства, тоже не проходило, несколько лет назад Корягина завещала свою квартиру и все находящееся в ней имущество Томилинскому краеведческому музею. У Корягиной есть дочь Татьяна, которую Галина Ильинична таким образом лишила наследства. Но актом мести со стороны дочери убийство тоже вряд ли было. Во-первых, у Татьяны Корягиной есть алиби, она в течение довольно длительного периода никуда не выезжала из Костровска, в котором проживает уже много лет. Во-вторых, даже если предположить сговор Татьяны с убийцей или банальный заказ, то непонятно, почему с актом мести нужно было ждать столько лет? Галина Ильинична поставила дочь в известность о своем завещании тотчас же, как только оно было составлено, то есть в 2002 году. Прошло семь лет – и вдруг месть? С чего бы? В-третьих, Татьяна Корягина по поводу матушкиной квартиры вообще не сильно переживала, потому как является она хозяйкой элитного борделя, замаскированного под массажный салон, и зарабатывает столько, что может в год покупать по две, а то и по три такие квартиры. Собственно, именно это обстоятельство и послужило причиной того, что Корягина отписала наследство музею, а не оставила дочери: Галина Ильинична весьма болезненно относилась в свое время к тому, что ее дочь занимается в Костровске проституцией, сказала, что отныне на порог ее не пустит, отреклась от Татьяны и считала, что дочери у нее больше нет. Мать и дочь не общались ко времени убийства лет двадцать, писем друг другу не писали и не перезванивались. Единственным исключением как раз и стал тот эпизод, когда Корягина взяла у соседки адрес Татьяны и написала ей письмо, в котором сообщила, что составила завещание в пользу краеведческого музея и дочери «ничего не обломится, пусть не надеется». (Оказалось, что Татьяна все-таки о матери беспокоилась и оставляла свои координаты соседке с просьбой непременно сообщить, если понадобится помощь или что-нибудь случится.)

Что же до других возможных наследников, которым могло не понравиться, что Галина Ильинична их обделила, то таковых не нашлось. Был у Корягиной племянник, проживающий в Иркутске, но с теткой он отношений не поддерживал и при наличии наследников первой очереди, то есть дочери Татьяны, ни на что претендовать не мог. Одним словом, версия об убийстве ради получения наследства или из мести за составление столь странного завещания никак не проходила.

Корягина окончила в свое время областной пединститут, имела диплом учителя истории, впоследствии она прошла обучение в университете марксизма-ленинизма и работала инструктором отдела пропаганды Томилинского горкома КПСС. После 1991 года, когда деятельность коммунистической партии была прекращена и партийные органы почили в бозе, Галина Ильинична вернулась к своей профессии по диплому и до самого выхода на пенсию преподавала историю в вечерней школе.

Соседи и знакомые характеризуют Галину Ильиничну как особу лживую и недоверчивую, привыкшую командовать и в отсутствие реальной власти превратившуюся в мелкого манипулятора, который всеми правдами и неправдами добивается того, чтобы вышло «по ее». Она уже никому не может приказать, ее никто не боится, но она идет к цели при помощи глупого обмана, мелких смешных интриг и притворства. Соседи по дому, например, рассказали такую историю: их дочка встречалась с парнем, который после свиданий провожал ее до подъезда, курил, бросал окурки на асфальт рядом с входной дверью, да еще и сплевывал. Галина Ильинична сделала ему замечание, парень ответил ей что-то грубое и продолжал демонстрировать дурные манеры. Корягина попыталась поговорить с девушкой, но та лишь отмахнулась и попросила не лезть не в свое дело. Но с непорядком у двери подъезда Галина Ильинична смириться не захотела, поэтому пошла к соседям и рассказала, что их дочка встречается с очень нехорошим мальчиком и что она видела этого мальчика в городе с другой девицей, кото-

рую означенный паренек обнимал пониже талии, тискал и вообще вел себя совершенно недвусмысленно, а еще она о нем слышала, что он связан с бандитами. «Вы уж остерегите свою девочку, – говорила она перепуганным родителям, – я ведь за нее душой болею, а то как бы чего не вышло». Соседи устроили дочке скандал и велели с нехорошим мальчиком не водиться. Дочка, однако, водиться со своим ухажером не перестала, он продолжал ее провожать, только теперь уже не до самого подъезда, юная парочка минут по двадцать прощалась за углом, так что бросал окурки и плевал парень уже в другом месте, не у двери, а именно это и было нужно Галине Ильиничне. Через какое-то время правда выяснилась, никакую другую девушку паренек никогда не тискал и с бандитами связан не был, но все равно он уже не стоял с девушкой у подъезда. Корягина своего добила.

Жажда власти, пусть хоть самой маленькой, хоть крошечной, и стремление командовать были так сильны в Корягиной, что на собрании жильцов она сама вызвалась быть старшей по дому. Народу на собрание пришло мало, никому ничего не нужно, все заняты собственными проблемами, вот ее и выбрали, не сильно вникая. Галина Ильинична с удовольствием ходила по квартирам, собирала деньги то на озеленение, то на детскую площадку, то на домофоны, то созывала всех на субботник по уборке придомовой территории, то призывала подписывать коллективные письма в ДЭЗ о том, что уборщица плохо моет лестницу и ее надо уволить, или обращение в милицию, чтобы немедленно арестовали и обезвредили всех подростков, которые тусуются в подъезде, шумят и мусорят. Она бесцеремонно врывается в квартиры, указывала, как надо воспитывать детей, грузить мебель и пользоваться лифтом, она ругалась с владельцами собак, потому что собаки гадят на газонах и рядом с детской площадкой, и с владельцами автомобилей, потому что те ставят машины под окнами, фырчат моторами, хлопают дверьми и мешают спать. Он нее житья не было. Жильцы не знали, куда деваться от Корягиной, но покорно терпели, потому что быть старшим по дому больше никто не хотел.

Ну и чем же подобная особа могла вызвать такую ненависть убийцы, что он ее задушил и обставил ее смерть как ритуальную? Или маньяк ничего не имел против конкретно Галины Ильиничны, просто поджидал в темном дворе первую попавшуюся пожилую даму, потому что внутренний голос настойчиво твердил ему: «Убей! Получи свое удовольствие»?

Вторая потерпевшая, Аида Борисовна Павлова, семидесяти лет, была найдена на неохраняемой стройке рано утром, когда пришли первые рабочие. Задушена шелковым шарфом, по свидетельству знавших ее людей ей же и принадлежавшим. По заключению судмедэксперта, смерть наступила около 22 часов предыдущего дня.

Аида Борисовна образование имела высшее юридическое и работала в Томилине следователем прокуратуры, вышла в отставку в звании старшего советника юстиции. В городе у нее родных не было, вдова, младший брат давно уехал в Канаду, где владеет каким-то лакокрасочным производством. Несколько лет назад он пригласил к себе и сына Аиды Борисовны, тоже химика, работавшего на Томилинском химкомбинате. Сын уехал к дядюшке на ПМЖ вместе с женой и двумя детьми. Отношения с сыном и его семьей у Аиды Борисовны были прекрасные, они активно перезванивались, а впоследствии, когда Павлова овладела компьютерной грамотностью и купила себе компьютер, и переписывались. Сын, ставший весьма состоятельным, постоянно посылал матери деньги, причем немалые, и Аида Борисовна ни в чем не знала отказа, могла позволить себе любые траты и чувствовать себя совершенно свободно. Один раз она слетала в Канаду, прожила там месяц, после чего сказала сыну, что будет счастлива в любой момент принять у себя и его, и невестку, и внуков, но к нему в гости больше не придет, не понравилась ей заграница, было там скучно, и неудобно, и вообще как-то неинтересно. Из всего этого можно было сделать вывод, что если Павлову и убили по личным мотивам, то мотивы эти совершенно точно лежат вне семейного круга. Наследство Аиды Борисовны – однокомнатная квартирка в районе современной застройки, и цена ее такова, что по сравнению с доходами сына выглядит просто смешной. Других же наследников у нее нет.

Характеризовали Аиду Борисовну как человека жесткого и принципиального, но при этом очень терпимого к чужому мнению, к чужой позиции и в целом к чужой жизни. Ее кредо формулировалось примерно так: «Я не могу делать определенных вещей и не буду, но лично вас это ни к чему не обязывает, вы вольны поступать, как считаете нужным». То есть своего мнения она никому не навязывала и никогда ни на чем не настаивала, но при этом собственную точку зрения не скрывала и ни на какие уступки и компромиссы не шла.

Была она жизнерадостной, жизнелюбивой, с удовольствием и азартом предавалась всему, чем занималась, во все вкладывала душу. Переписывалась по Интернету с цветоводами, с любителями и знатоками кулинарии, изыскивала новые рецепты, готовила сама, угощала соседей по дому, делилась приобретенными знаниями с шеф-поваром кафе в клубе «Золотой век», весной и летом активно занималась посадками в усадьбе и круглый год что-то делала в зимнем саду и в оранжерее.

Отдельной страницей ее повседневной жизни были отношения с детьми. Одним из первых начинаний Андрея Бегорского была разработка сайта «Мои родные», на котором должны были размещаться анкеты пенсионеров и детей из детского дома. Задумка оказалась удачной, между некоторыми ребятами и членами клуба завязались устойчивые отношения, пенсионеры познакомились с детдомовскими питомцами сначала по переписке, потом лично, начали встречаться, ходить на прогулки, есть мороженое в кафе и развлекаться на аттракционах в парке. И Аида Борисовна свою анкету разместила, но неожиданно получила письмо из детского дома не с предложением переписываться, а с просьбой прийти и рассказать что-нибудь интересное про преступления. Она пришла, рассказала несколько историй из своей практики и произвела на ребят такое сильное впечатление, что желающих стать названными внуками оказалось чуть ли не полтора десятка. И Павлова взяла над ними шефство, водила их целой группой на прогулки и экскурсии по городу, рассказывала об истории и архитектуре, учила переходить улицу и правильно вести себя в общественных местах, читала им вслух и подробно обсуждала прочитанное, кормила сладостями и покупала подарки. Кроме того, ее постоянно приглашали выступать перед школьниками с лекциями о личной безопасности, о том, как не стать жертвой хулиганов, грабителей и половых психопатов. Аида Борисовна относилась к этой части своей деятельности очень серьезно и перед лекциями обязательно консультировалась с педагогами и школьными психологами на предмет того, как лучше подать тот или иной материал, чтобы не напугать и не смутить детей.

А еще Аида Борисовна Павлова сочиняла философские сказки, которые с удовольствием рассказывала детдомовским ребятам, а потом начала шить куклы, изображающие персонажей этих сказок, и давать импровизированные представления, которые дети обожали и в которых сами участвовали. Нашелся спонсор, предложивший в качестве благотворительной акции издать крохотным тиражом сказки Аиды Борисовны и подарить весь тираж детскому дому и школьным библиотекам города. Идея была принята с энтузиазмом, Павлова подготовила тексты, написала еще несколько новых сказок, а Тамара Николаевна Виноградова сделала иллюстрации. Тираж вышел, книги были подарены, Аида Борисовна светилась от счастья.

Могли ли у нее быть враги, пожелавшие убить бывшего следователя, прикрываясь пока не пойманным маньяком? Могли. А мог ли ее убить тот самый маньяк? Мог.

Что касается сходства деталей по обоим преступлениям, то оно заключалось в способе убийства (удушение шарфом потерпевшего), в оставлении разбитого зеркала на груди трупа и в вырванной из уха и валяющейся рядом серьге. Зеркала самые обыкновенные, в пластмассовых корпусах, одно овальное, другое круглое, одно синее, другое красное, одно бывшее в употреблении, другое совсем новое. Такие зеркала продаются во всех супермаркетах. Оба зеркала тщательно протерты спиртом или водкой, никаких следов рук на них нет. Получалось, что в первый раз преступник взял зеркало из дома, свое, а во второй раз купил специально. Оперативники сделали все возможное, чтобы выяснить, где было куплено второе зеркало, но ни в

одном магазине покупателя не вспомнили, потому что продавцов там нет, а кассиры смотрят не на лица тех, кто расплачивается, а на транспортер, на котором лежит товар, и где уж там обратить внимание на простенькое зеркальце, спрятавшееся в общей куче среди йогуртов, консервов, сыра, фруктов, упаковок зубной пасты и рулонов бумажных полотенец. Таким образом, путь с зеркалом никуда не привел.

Серьги у потерпевших были разные: у Корягиной – дешевая бижутерия на длинных крючках, у Павловой – золотые с аметистами и английским замком, потому и следы на мочках ушей не были одинаковыми: крючок легко разогнулся, и у Корягиной осталась лишь царапина, а у Павловой английский замок оставил рану. Но и в том, и в другом случае серьги вырывали с явным усилием.

Оперативники проделали поистине гигантскую работу по отработке материалов психоневрологического диспансера и областной психиатрической больницы, они опросили всех (!) живущих в городе и в радиусе ста километров от него частнопрактикующих врачей-психиатров, психоневрологов и невропатологов, пытаясь найти хоть кого-нибудь, чье заболевание могло бы привести к столь опасным и печальным последствиям. Все безрезультатно. Претенденты на роль маньяка периодически находились, и Вторушин с Федуловым ими занимались, проверяли, крутили-вертели и каждый раз вынуждены были признать, что это опять пустышка. То есть если маньяк и был на самом деле, то официального психиатрического диагноза ему не ставили, по крайней мере в медицинских учреждениях Томилинского и Костровского районов. Костровск тоже попал в сферу поиска, поскольку находится всего в шестидесяти километрах от Томилина: на машине час езды, на автобусе – полтора. Нет, никак нельзя сказать, что по делам об убийствах Корягиной и Павловой ничего не сделано или сделано мало, а ведь у оперов в производстве не одно дело, их много, и всеми надо заниматься.

Илья Вторушин, помимо работы по поиску маньяка, упорно гнул свою линию и пытался найти следы того, что убийство Корягиной было заказано теми, кто хотел уничтожить клуб «Золотой век» и выжить Бегорского из усадьбы. Его чрезвычайно смущал тот факт, что квартирантка Корягиной Маргарита Нечаенко так внезапно и так кстати заболела, и он всеми силами старался нарыть хоть что-нибудь, что связывало бы девушку с людьми, приближенными к мэру и городской администрации. Но никаких порочащих связей у простой приемщицы из химчистки так и не нашел. Родом она была из поселка Петунино Костровского района, после окончания школы приехала в Костровск поступать в институт, но провалилась, какое-то время даже бомжевала, жила с бездомными, потом как-то выправилась, нашла работу, но с личной жизнью не сложилось, уж больно невзрачна и неказиста она была. Домой возвращаться побежденной не хотелось, Рита врал матери, что у нее хорошая работа и есть надежный и добрый парень, который вот-вот станет женихом, а там, глядишь, и мужем, в родной поселок навещалась крайне редко. Случайно набрела в Интернете на сайт «Мои родные», познакомилась с Корягиной, описала ей свою неудалую долюшку, а та предложила приехать в Томилин и жить у нее в качестве домработницы-компаньонки и с работой обещала помочь. С какой стороны ни посмотри – не тянула Рита Нечаенко на роль пособницы в убийстве.

Но настойчивый капитан Вторушин этим не ограничился, он задействовал все свои «источники», чтобы выявить связи людей, заинтересованных в покупке усадьбы, с криминальными элементами и проверить каждый такой «элемент» на возможную причастность к убийству Корягиной. Он потратил много сил и времени на эту работу, но так ничего и не добился. Конечно, ему было трудно заниматься этим в одиночку, ведь Дима Федулов его точку зрения не разделял, исступленно искал сумасшедшего убийцу и в отработке других версий почти совсем не участвовал. Следователь же, как Настя поняла из обтекаемых формулировок капитана и майора, занял пассивную нейтральную позицию. Он милиции не подчинялся, проходил по другому ведомству, и его карьере разгуливающий по городу маньяк никак не угрожал, а вот мэр и городская администрация являли собой серьезную угрозу. И хотя в глубине души он

был согласен с мнением Вторушина, версия Федулова казалась ему безопаснее. Профессионал боролся в нем с чиновником, результат же борьбы вылился в вялость и отсутствие инициативы в расследовании.

* * *

Настя перечитала написанное, закрыла компьютер и поднялась на второй этаж к Тамаре. Теперь она готова к тому, чтобы формулировать свои вопросы. Дверь была заперта. Пришлось одеваться и идти в главный дом усадьбы искать Тамару Николаевну.

Тамару она обнаружила в парикмахерском салоне, та как раз заканчивала укладывать волосы приятной пожилой женщине. Настя присела в уголке и принялась терпеливо ждать. Наконец клиентка ушла, рассыпавшись в благодарностях искусному мастеру. Настя с удивлением отметила, что денег с нее Тамара не взяла. Может быть, члены клуба расплачиваются за услуги у стойки администратора? Кажется, Настя видела там кассовый аппарат...

– Вы работаете бесплатно? – спросила она.

– Для членов клуба – да, – кивнула Тамара, складывая инструменты в красивый кожаный футляр. – А с тех, кто приходит сюда, как мы говорим, «из города», я беру деньги по тарифу.

– И много этих, «из города»? – поинтересовалась Настя.

– Нет, единицы.

– На что же вы живете? Или вы здесь на зарплате?

– Еще чего! – фыркнула Тамара. – Буду я у Андрюши зарплату получать, только этого не хватало. Мы с ним знакомы больше пятидесяти лет и не считаем возможным вступать в финансовые отношения. У меня есть деньги, вполне достаточно, чтобы достойно и спокойно жить. У меня, видите ли, был свой бизнес когда-то, потом я его продала и переехала к отцу, он стал к тому времени слишком старым и уже не мог жить один. Пошла работать, хорошо зарабатывала, а деньги от проданного бизнеса так и лежали. Потом папа умер, и когда я решила приехать в Томилино, я и московскую квартиру продала. Так что на собственные не бог весть какие нужды мне хватит до самой смерти и без зарплаты. А стригу я исключительно ради удовольствия, я всю жизнь любила свою работу, с самого раннего детства о ней мечтала. Ну что, Настя, чайку? Или кофейку?

– Кофейку, – улыбнулась Настя.

– С пирожным?

– А Андрей Сергеевич как на это посмотрит? В его систему питания мучное, жирное и сладкое наверняка не вписывается.

– Так он же уехал, – рассмеялась Тамара. – Еще рано утром. Сейчас он уже, наверное, в Москве. Так что и кофе, и пирожные, которые он запрещает, и человеческий ужин я вам гарантирую. И вообще, я вам обещаю нормальное вкусное питание, но ровно до того дня, как Андрей снова приедет. Тогда вам придется или вступать в открытый бой, или есть то, что будет есть он сам. Пойдемте.

Они зашли в кафе и заняли мягкий угловой диванчик, обитый тканью цвета бордо. Принесший кофе и пирожные официант выглядел так, словно работал не в провинциальном недорогом кафе для пенсионеров, а по меньшей мере в ресторане на Рублевке. Перехватив Настин удивленный взгляд, Тамара улыбнулась:

– Это тоже идея Андрея. Собственно, главная его идея состоит в том, чтобы доказать, что с выходом на пенсию жизнь не только не заканчивается, она во многом только начинается. У человека начинается тот самый золотой век, когда жизненного опыта УЖЕ достаточно, чтобы научиться радоваться всему и не обращать внимания на ерунду, а физических сил ЕЩЕ достаточно для того, чтобы было, чему радоваться.

– А при чем тут внешний вид официанта? – не поняла Настя.

– Ну как же! Пенсионеры крайне редко ходят в рестораны, если живут только на пенсию, это для них слишком дорого, а ведь поход в ресторан – это определенный символ, понимаете? Символ того, что ты включен в общую жизнь, что ты выходишь в свет, что ты можешь себе что-то позволить. Ходить в рестораны надо обязательно, если не хочешь состариться раньше времени. Поэтому он устроил в клубе это кафе, где можно поесть или просто выпить чаю за чисто символические деньги, но весь антураж будет соответствовать первоклассному ресторану. Вы обратили внимание на официанта, а на меню вы взглянули?

– Ну... да, – растерянно ответила Настя. – Я прочитала, что здесь есть и сколько это стоит.

– Да я не об этом! Я об обложке. Вы обратили внимание, в какие корочки помещено меню? Кожа, золотое тиснение, виньетки. Здесь все, кроме цен, по высшему разряду. Ведь в советское время как было? Старикам – то, что похуже. Если удобная для старческой ноги обувь, то такая, что без слез не взглянешь. Одежда – вообще караул. Оправы для очков – жуть впотьмах! Понятно, что пенсионеры, если им никто не помогает, не могут позволить себе дорогие покупки, но кто сказал, что дешевое непременно должно быть уродливым? Пусть оно будет из недорогих материалов, но пусть будет красивым. Впрочем, Настенька, вы меня оставьте, а то я вас совсем заговорю: как только речь заходит о клубе и об идеях Андрея, я начинаю фонтанировать. Вы ведь не просто кофе хотели выпить, вы же хотели о чем-то спросить. Спрашивайте.

Настя ложечкой отломил кусочек пирожного и попробовала. Да, наверное, его сделали из дешевых продуктов, но оно было вкусным и – что самое главное – невозможно красивым, продуманно-разноцветным, с украшениями из ягод и жидкого шоколада.

– Я хотела в первую очередь узнать ваше личное мнение о Корягиной и Павловой.

– А во вторую?

– Я попросила бы вас назвать мне членов клуба, которые лучше всего были знакомы с убитыми и могли бы о них рассказать.

– Ясно. Что касается меня, то я, конечно, расскажу вам все, что знаю, только знаю-то я не особо много, я ведь здесь всего полгода, с августа. А Аиду Борисовну убили в конце сентября, так что знакомы-то мы были только полтора месяца. Но кое-чем, конечно, поделюсь. А Корягину я вообще не застала, ее ведь убили в марте, кажется, да?

– Жаль, – огорченно протянула Настя, – а я так на вас рассчитывала.

Тамара утешающим жестом похлопала Настю по руке и хитро улыбнулась:

– Настенька, я, конечно, многого не видела сама, но зато мой салон – это место, где можно все узнать из третьих рук. Уж всеми сплетнями, которые ходили и ходят по клубу, я вас обеспечу в избытке. А вы потом сами разбирайтесь, что там правда, а что – выдумки.

Из рассказа Тамары Настя узнала, что в клубе «Золотой век» образовалась небольшая компания из трех женщин и одного мужчины. Эдакий четырехугольник, только не равносторонний. Входили в компанию Галина Ильинична Корягина, Аида Борисовна Павлова, вернувшийся из эмиграции мастер на все руки Валерий Васильевич Полосухин и еще одна дама по имени Елена Станиславовна Муравьева. Как ни странно, центром этой компании стал невзрачный и не особо образованный Полосухин, постоянно проживающий в усадьбе во флигеле для персонала. Дело в том, что он был тихо влюблен в Аиду Борисовну и осторожно и неумело ухаживал за ней. То есть там, где появлялась Павлова, немедленно нарисовывался Полосухин. А следом тут же подтягивались Корягина и Муравьева, которые сами положили глаз на вдового, не старого еще и непьющего мужичка – большую редкость по нынешним временам. Понятно поэтому, что Аиду Борисовну ни та, ни другая не любили, видели в ней соперницу и бешено ревновали. Кроме того, Корягина и Муравьева друг друга тоже считали соперницами и не упускали случая сказать друг о друге гадость, особенно за глаза.

Из того, что говорили клиентки парикмахерского салона, можно было сделать вывод, что Корягина побаивалась Аиду Борисовну и считала ее в известном смысле ровней себе, потому

как Павлова занималась серьезным делом и вышла на пенсию «в чинах». Открыто вступать в конфронтацию с «соперницей» Галина Ильинична не осмеливалась, однако за спиной порой давала себе волю и от души, что называется, отрывалась, истово критикуя бывшего следователя за слишком, на ее взгляд, молодежную манеру одеваться, за яркие блузки, джемпера и непрременные шарфики, за узкие облегающие брючки и обильно украшающую одежду дорогую бижутерию. Елену же Станиславовну Муравьеву Корягина не боялась вовсе и открыто поносила ее за приверженность западной культуре и вообще «капиталистическому образу жизни». Особенно старалась она со своей критикой в присутствии Валерия Васильевича Полосухина, тут уж она в выражениях не стеснялась и высказывала свое мнение громким начальственным голосом.

– А что, Аида Борисовна действительно одевалась не по возрасту? – с интересом спросила Настя.

Тамара бросила на нее странный взгляд, немного помолчала.

– Аида Борисовна была красивой женщиной, – ответила она негромко, – высокой, худощавой, примерно вашего типа. Моложавое лицо, мало морщин, седые густые волосы, она их не красила, и ей седина очень шла. Она у меня один раз стриглась, следила за собой. Мне нравилось, как она одевается, если бы у меня была ее внешность, я бы одевалась точно так же. Аида Борисовна говорила: «Пока я работала, я не имела ни права, ни возможности носить такое, а мне всегда очень хотелось. Теперь я наконец могу себе это позволить».

– Почему вы на меня так посмотрели? – не удержалась от вопроса Настя. – Я спросила что-то не то?

– Знаете, Настенька, давайте вернемся к этому разговору в другой раз. Не будем отвлекаться. Вам ведь нужно узнать как можно больше про Корягину и Павлову. Корягину, как я уже сказала, я не застала, поэтому не знала ее лично, а вот один эпизод с Аидой Борисовной мне запомнился. Как раз за несколько дней до ее смерти...

...Аида Борисовна записалась к Тамаре на стрижку. Назначенное время подошло, а Павловой все не было, и Тамара отправилась ее искать. Администратор в холле сказала, что Аида Борисовна зашла в кабинет, где вели прием врачи.

– Там сегодня Алла Ивановна принимает, – сообщила администратор. – Они с Аидой Борисовной столкнулись прямо у моей стойки и пошли в медкабинет.

Алла Ивановна Ярцева была врачом-психотерапевтом, консультировала членов клуба два раза в неделю, и пенсионеры охотно ходили к ней поговорить о тревогах, бессоннице, плохом настроении и отчаянии одиночества, а также о том, почему же так получилось, что дети совсем их забыли и внуки не приезжают.

Медицинский кабинет находился прямо рядом с салоном Тамары, за стеной. Тамара прошла по коридору до своей двери, подумала немного и решила все-таки постучаться, заглянуть к доктору и спросить, когда Аида Борисовна освободится и имеет ли смысл ее ждать. Она сделала шаг в сторону медкабинета и услышала возбужденные голоса Павловой и доктора Ярцевой.

– Вы не понимаете... – говорила Алла Ивановна.

– Нет, – перебила ее Павлова, – это вы не понимаете, какие могут быть последствия. Вы же психотерапевт, вы специалист по человеческим душам, кому, как не вам, понимать...

Тамара отступила в сторону и собралась было вернуться к себе в салон, не решаясь прервать столь эмоциональный разговор, когда дверь медкабинета распахнулась и в коридор буквально вылетела Аида Борисовна, которая выглядела одновременно расстроенной, сердитой и озабоченной.

– Третий акт, сцена у реки... – бормотала она, быстрым шагом проходя мимо Тамары в сторону холла и не замечая ее.

– Аида Борисовна! – окликнула ее Тамара. – У нас с вами стрижка, вы не забыли?

Павлова на мгновение остановилась, обернулась к Тамаре.

– Простите, Тамарочка, придется отменить. Мне нужно... срочно... извините меня, дорогая, пострижемся в другой раз...

И ушла...

– Третий акт, сцена у реки, – задумчиво повторила Настя. – Не знаете, что это означало?

– Понятия не имею, – покачала головой Тамара. – Я так растерялась, что не сразу зашла к себе в салон, а тут из медкабинета вышли Алла Ивановна и ее муж, который там, оказывается, тоже был. Они меня увидели и как-то, по-моему, смутились. Я спросила, что случилось у Аиды Борисовны и почему она отменила стрижку. Алла Ивановна объяснила, что выписала Павловой легкий антидепрессант, а той показалось, что дозировка неправильная, слишком большая, знаете, есть больные, которые очень внимательно читают прилагаемые к лекарствам инструкции и начинают спорить с врачами из-за дозировок и возможных побочных эффектов. Вот из-за этого они слегка поспорили. Вот, собственно, и все. Но я подумала, что нужно вам это рассказать, потому что с трудом представляю себе, каким образом неправильно назначенное лекарство может быть связано со сценой у реки в третьем акте.

– Я тоже с трудом представляю, – призналась Настя. – Но я буду иметь это в виду. А что, муж вашей Аллы Ивановны тоже врач?

– Нет, он бизнесмен, правда, в прошлом врач, а сейчас торгует лекарствами.

– Мне бы встретиться с ними...

– Это трудно, Настенька, вскоре после смерти Аиды Борисовны Алла Ивановна уволилась и вместе с мужем переехала в областной центр, он перевел туда свой бизнес.

– Насколько вскоре? – встрепелась Настя. – Сразу же?

– Нет, примерно через месяц.

– Что так вдруг?

– Да это не вдруг, они давно это планировали. Когда я в августе приехала сюда, уже ходили разговоры о том, что Алла Ивановна собирается уезжать.

«Нет, не получается, – подумала Настя. – Конечно, очень соблазнительно связать внезапный отъезд четы Ярцевых с гибелью Аиды Павловой, но отъезд оказался вовсе не внезапным. Да и зачем им убивать пенсионерку Павлову? Может быть, она что-то раскопала о махинациях с лекарствами, в которых замешан муж Аллы Ивановны? И именно поэтому в том разговоре на повышенных тонах принимала участие не только врач-психотерапевт, но и ее супруг? Возможно, он торговал некачественными, поддельными или просроченными препаратами, а Павлова об этом узнала...»

Надо попросить Федулова или Вторушина что-нибудь разузнать в этом направлении.

– Вы покажете мне Елену Станиславовну Муравьеву? – спросила она.

– Конечно. Она обычно приходит часов в шесть, пьет чай в кафе, потом идет на репетицию спектакля. А Валерия Васильевича Полосухина после семи можно найти в комнате, где у нас собирается общество любителей вышивания, это рядом с моим салоном.

«Очень хорошо, – сказала себе Настя. – Сейчас я позвоню Федулову, озадачу его насчет мужа Аллы Ивановны и пойду знакомиться с Муравьевой. А после нее займусь Полосухиным».

Телефон Федулова оказался «вне зоны действия сети», вероятно, майор был в каком-то подвальном помещении без окон. Она набрала номер Вторушина, и капитан ответил сразу же.

– Муж Ярцевой? – удивленно спросил он. – Хорошо, я узнаю и вам перезвоню.

Тамара ушла в свой салон, а Настя решила пройтись еще раз по главному дому, уже без сопровождения, осмотреться и проверить, хорошо ли она запомнила расположение помещений. Это может оказаться полезным, если именно здесь, в этой усадьбе, ей придется искать таинственного убийцу.

Глава 4

Елена Станиславовна Муравьева, невысокая пухленькая особа с тщательно уложенной прической из светлых крашенных волос, с готовностью согласилась побеседовать с социологом из Москвы. Уже через несколько минут Настя поняла, что интересовала Елену Станиславовну главным образом возможность найти свободные уши, а вовсе не желание помочь в исследовании проблем социальной адаптации после прекращения трудовой деятельности. Ну что ж, решила Настя, это и лучше, можно разговорить ее на любые темы, она и не заметит ничего.

Так и вышло, что прежде чем приступить к осторожным вопросам о Корягиной и Павловой, Насте пришлось выслушать все, что Елена Станиславовна сочла необходимым сообщить о себе, любимой.

Муравьева, как выяснилось, позиционировала себя потомком графа Николая Николаевича Муравьева-Амурского, самого известного представителя младшей ветви рода Муравьевых, который в 1847 году по решению царя стал губернатором Восточной Сибири. До этого он был губернатором Тульской губернии и подавал царю записку о необходимости отмены крепостного права, царю такой либерализм отчего-то не пришелся по вкусу, и было принято решение отправить графа подальше от центральной власти. Граф Николай Николаевич содействовал экспедиции Невельского по освоению устья Амура и выхода к Тихому океану, осваивал Уссурийский край, стал основателем Владивостока, Хабаровска, Находки и Благовещенска. Он вел последовательную и продуманную политику, в результате которой удалось мирно присоединить к Российской империи территории Приамурья и Приморья. Своим предком Елена Станиславовна гордилась безмерно.

– Николай Николаевич был женат на француженке, Екатерине Ришмон, – понизив голос до заговорщического шепота, сообщила она Насте, – они были очень счастливы в браке, но, к сожалению, Господь не послал им детей. Последние годы жизни граф провел вместе с супругой в Париже, и там у него случился внебрачный сын от француженки. Граф признал его и дал свою фамилию. Это и был мой предок. Вы можете себе представить? Во мне течет не только кровь Муравьевых, но и французская кровь. У меня западноевропейские гены, а где-то во Франции живет моя родня, которую я могла бы разыскать, если бы захотела. Неудивительно, что во мне так сильны западничество и дух познания и свободы, – Елена Станиславовна горделиво улыбнулась, – это было свойственно всем Муравьевым. И вообще, все Муравьевы были тесно связаны с наукой, образованием, культурой и передовыми идеями переустройства общества. Вот взять хоть Михаила Никитича Муравьева. Вы слышали о нем?

Настя вздрогнула. Опять ее экзаменуют. Вчера Бегорский грузил архитектурными терминami, заставляя рыться в памяти, а сегодня ее проверяют на знание истории. Пришлось снова напрягать память.

– Кажется, Екатерина Вторая сделала его наставником своих старших внуков, – неуверенно произнесла она. – Я правильно помню?

– Совершенно верно, – радостно закивала Муравьева. – Его обширные познания в области словесности, истории и философии просто потрясли императрицу. Так вот, после его смерти вдова сделала их дом на Фонтанке в Петербурге открытым для многих писателей, поэтов и художников, которые там подолгу жили. Вокруг вдовы и сыновей Михаила Никитича собирались лучшие умы Петербурга, с ними дружили Пушкин, Вяземский, Тургенев. Я особо обращаю ваше внимание, деточка, на фамилию Вяземского. Вы ведь слышали, наверное, что эту усадьбу называют «усадьбой Вяземских»?

Настя молча кивнула, об этом было написано в той статье, которую давал ей прочесть Бегорский. Она терпеливо ждала, когда Елена Станиславовна закончит хвастаться своими име-

нитыми предками. И вообще, она была уверена, что к «тем самым Муравьевым» пухленькая дамочка имеет весьма призрачное отношение.

– Тогда вы должны понимать, что судьба отнюдь не случайно привела меня в эту усадьбу, коль она так или иначе связана с родом Вяземских. Это связь поколений, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Я понимаю, – снова послушно кивнула Настя.

Она вспомнила, что Тамара называла Муравьеву закоренелой прозападницей. Елена Станиславовна каким-то образом ухитрилась прожить месяц в Италии и с тех пор считала себя белой костью. Именно поэтому она полагала, что Валерий Васильевич Полосухин должен достаться именно ей, поскольку он тоже жил за границей и умеет ценить европейский стиль жизни и европейскую культуру. Тамара даже процитировала одну свою клиентку, которая якобы своими ушами слышала, как Муравьева говорила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.